

Борис КОЛЕСОВ

ГОЛУБОЙ СНЕГ

Сказ о дрёмном художнике

Глава 1. КАК ЗАЯЦ СПИТ

Вологодским лесам конца-края не видать. Тамошним болотам переводу нет. В деревне Веретье жил мальчик Семка с папой, мамой и старшим братом. Вокруг был сосновый лес. Такой дремучий, что звали его тут не бором, а дрёмом.

Об отце Семки слава шла: сметлив да удачлив охотник! из добытчиков добытчик!

Мальчишка на папаню поглядывал, примечал кое-что, перенимал ухватку, но до ружья пока не имел доступа. Правда, иногда тот брал парнишку с собой. Приключалось такое, но когда? В том случае, когда охотник в дрем по зайца ходил: сына по дороге учил след тропить.

Беляк ведь себе на уме, он дальше двух километров от лежки не уходит. Как ты косога ни гони.

А чтобы сбить собаку с толку, хитрец петляет. Старается, ровно крючок, которым на вологодчине вяжут кружева. Тут даже старой, выдавшей виды гончей порой случается... что? Сколоться — замельтешить, со следа сбиться.

По первой снежной пороше охота горяча. Собака носится кругами, ищет свежий заячий след. Самой собой, у родителя шапка невозбранно припорашивается, приметно выбеливается. Поскольку побывала под сугробистыми хвойными лапами.

Охотник вот что делает — поглаживает рыжеватую бороду, и в голубых глазах у него как есть особая хитринка:

— Что, Семка, смекаешь, куда скакнул косога?

Стоит сын. Под ногами снег красный. Баско он зарей выкрашен. И на сегодня щеки у ответчика тоже цветут, будто здесь не мальчик, а снегирь.

— Вон под тот куст. Под калину. Там снег примят.

Отец таковским распорядком доволен. Улыбается в бороду:

— Молодца, парнишка! Углядел. Торопко ли бежал заяц? Что думаешь?

— Куда как торопко. Галопом он мчался. Следы от задних длинных ног впереди. От коротких передних — позади.

— Точно. Но теперь скажи мне другое. Известно, зайцы на отличку осторожные. Как в таком разе спят, открыты у них глаза во сне или закрыты? Не спеши, поразмысли, потом давай ответ.

Семка трет варежкой рдяные щеки, моргает задумчиво. Ох, трудный задал папаня вопрос! Кто их когда видал, этих спящих зайцев? Ан сейчас нужно высказаться вполне правильно. Потому как здесь желается кое-кому прослыть, когда подрастет, добытчиком, вдосталь по деревенским меркам надежным.

Всё бы так, однако не знаешь, что сказать. Вот ведь беда какая! Нисколько не хочется попасть впросак.

С новым разом, еще и еще, трет Семка хоть щеки, хоть лоб. Уже горит лицо. Польшает, будто угли в жаркой печи.

Быстрой приходи правильное уразумение!

Приходит не иное другое, именно такое, не шаткое соображение: всех боится косога, и тогда полагается ему спать с открытыми глазами.

Четкий, значит, выдан ответ?

Отец покачал головой. Не так чтобы укоризненно, а скорее с видимым сожалением.

— Не один ты, многие таким макаром ответствуют. Однако не обошлось все ж таки без ошибочки. Беляк не дурак сладко поспать. Верно, он — когда на лежке, на отдыхе — глаза таращит, по сторонам косит. Вот только ночью они у хитрована закрыты. Как у тебя, к примеру. Любишь ведь поспать на печи?

Смущенно помалкивает Семка.

Что правда, то правда: встает он позже всех в доме. Но и то можно учесть — последним спать ложится. Недаром мать ворчит на него. Если высказывает какую укориэну, понятно, как раз эту: «Угомона, гляжу, нет на мальчишку»!

Возражать не поторопишься. Потому как раз, что длинную жизнь прожил Семка, девятый годок пошел, а прочного угомона всё нет и нет.

Однажды таковские проходы по лесу подошли к концу напрочь. Так случилось: недолго довелось парнишке поучиться охотничьим премудростям.

Напал на страну фашист. И тогда отправились воевать с неисчислимым врагом отец, старший брат, все веретьевские мужики, охотники и лесорубы. Папаня много слов не потратил. Семке сказал только это:

— Ты, парень, не бойся. Мы фашисту рога поотшибаем.

Нынче живет мальчишка без отца. С одной лишь матерью. Не боится. Но отощал крепко.

Первую военную зиму продержалась деревня на прежних запасах. Картошки и репы хватало до весны. Потом лето подошло и подарило сколько-то грибов да ягод. Вторая военная зима объявилась, а в погребках лесного невеликого селения картошки мало. Репы, капусты вовсе нет. Оно каждому будет понятно: работников стало причинно мало. Один-два, и вот уже обчелся.

Какая-никакая работа упористо всеми творилась, и Веретье, само собой, старалось, чтобы фронту продовольствием пособить, своим ребятишкам на зиму сделать запасец. Однако матерям не в радость получилось, что погреба оказались полупустыми к первому снегу.

Не задержался он, выпал. Ан вдруг нежданная оттепель навалилась. Вместо верных зазимков поздняя осень обернулась слякотным месивом на огородах. Тут еще сырые туманы приползли с дальних болот. Хоть плачь, а никуда не денешься: завелась в веретьевских угодах горькая гниль. Поскорей ее удалять! Перебирать картофельные запасы!

Сегодня со всей аккуратностью трудишься, назавтра сызнова хлопочи. Не отступали, усердствовали матери, их ребятишки. Всё едино вышло. Не успели оглянуться — одна мокреть в погребах. Вместо овощного привычного порядка.

Наступил с февраля в деревне голод воочью. Хоть ивовую кору, как лось, ищи и жуи. Что по такой поре делать?!

Кто подался в город, чтобы не пострадать от бескормицы. Там всё ж таки давали работающим какой-никакой паек. Не иначе, полдеревни дружно убыло к середке зимней.

Пусть также кое-кто в другие по соседству селения перебрался. Чтобы сообща с родственниками горе мыкать. А Семка с матерью и одинокая бабка Аграфена Синеглазова остались по прежнему распорядку, именно что на месте. Возле тихой окраины веретьевской.

Старушку никто бы на фабрику не взял. Родственников — ни близких, ни дальних — у нее не было. В свою очередь, мать Семки не помечтала идти в город: ослабела к концу февраля. С печки слезала с превеликим трудом. Вскоре вовсе она стала недушной. Аграфена за ней ходила. Как могла по своей старческой способности.

Мать всё говорила парнишке: «Я поднимусь. Дай только срок. Попью отвара из сосновых иголок, и мне сил прибавится. Тогда мы тоже подадимся на фабрику. Бабку возьмем с собой. Чего ей здесь одной куковать?»

Семка бегал за ветками в лес, помогал Аграфене поить больную мать хвойными горькими настоями. Как ни упрячилась хвороба, всё же немочной полегчало немного. Приободрилась она, вот лишь не настолько, чтобы в одиночку дойти до колодца. Слабость по-прежнему давала себя знать. Поэтому пути во двор не было, оставалось одно — сидеть у окна.

Иногда хотелось ей плакать. И тут она, вытирая глаза, толковала сыну: «Не добратья мне до города. Аграфене — такоже. Ничего не поделаешь, ступай туда один. Там добрые люди помогут. Авось, не осилит тебя напасть голодная».

Ему таковские слезные толки ничуть не надобны. Он головой мотает — нипочем не пойду! А за стеной, в подклети, собака воет. Холодно по зимнему по месяцу. Мяса да косточек желательно унюхать псу Караю. Однако ничего привычно съедобного нынче не разглядеть. Хоть где поблизости, хоть поодаль, возле сторонних изб.

Глянь, взяли отощавшие хозяева березовый веник. Затем в чугушке и сварили его со всем старанием. Фу, какая гадость! Лучше бы пустили Карая в дрём. Там жирующих беляков свободно погоняешь.

Быть того не может, чтоб остался пёс хороших кровей с носом. Нет, ешьте сами свой березовый суп! Как-нибудь, а ведь быстры ноги пробежаться до зеленого ельника, где зайчатинкой разживешься. Только дверь отворите!

Семка обеспокоился и, не поленившись, вышел к нему. Присел рядышком, обнял за шею.

— Ну, чего ты зазя воешь, бедолага! Разве ж кто не понимает тебя? Тут, коль желаешь знать, есть такие по дружбе равнодушные, что как раз очень хорошо понимают. Но ведь нельзя нынче одного, ослабевшего и голодного, пускать в дрём. Караюшко! Там волки по соснякам ходят. Думаешь, нет у них желания чего-нибудь погрызть? Обязательно имеется. Завалить одинокую собаку они сильно мечтают. Смогут догнать и окружить запросто. Не ведаешь ты, Караюшко, что волки расправляются лихо с вашим братом, — шепчет парнишка, тихонько теребя холку скулящего пса. — А мне вот известно. Батя рассказывал. Налегит серый зубастый разбойник и с ходу старается ударить собаку широкой грудью. Она летит кубарем от неожиданности. Пока барахтается, он подскакивает, хватая ее за горло. Клац! Здесь ей наступает конец. По несчастной поре не спасают быстрые ноги. Уважаю твою храбрость, да всё ж боязно мне. Как отпустить в лесные заросли, когда бродят волки за околицей?

Глава 2. СПОСОБНЫЙ ВАТНИК

Нет удобных тропок в деревне. Если и были стёжки, то на сей час перемело их снегом. Потихоньку, не тратя понапрасну силы, сторожко бредет Семка. Дошел до последнего к лесу дома, повернул назад.

Стоят пустые темные избы в ряд. Не видать над крышами белых дымов. Заколочены двери и окна. Кричи, не кричи — дни уж далеко не прежние, не отзывается никто. И никому не скажешь, что страсть хочется тебе куснуть хлебную краюшечку. Бродит Семка по деревне. Думает: вдруг и завалюсь возле крылечков какое, по нечаянности утерянное, съестное. На то веры особой нет, конечно. Ну, а понадеяться если, почему нельзя найти хотя бы маленький кусочек?

Подошел к печально притихшему дому, к порожкам, давно уж не обихоженым заботливой метлой. Здесь раньше погодки Масловы радостно встречали друга. Сегодня поди их поищи — встречает тебя лишь налеп снежная на холодных стеклах.

Дружил Семка с тугошными ребятами и по летней поре, и по зимней. Теперь погодки не иначе, что в городе. Паёк фабричный уминают. Небось, хватает всем еды, когда там еще две взрослые работающие сестры проживают. Потрудятся они, сколь им положено в цеху, потом придут домой и дадут веретьевским какой ячменной каши. По хорошей тарелке, по глубокой, ничуть не маленькой.

Семке никто не даст ни перловой похлебки, ни каши. Сам соображай, как прокормить оставшихся в деревне. Подумать, чтоб покрепче и способней, он не возражает. Однако пусты заголодевшие здешние избы. У кого взять крупяной снеди, когда напрочь слетело с Веретья даже обычное горластое воронье?

Покрутился у порожек. Смотрит, а позади масловского подворья — красивый оранжевый снег. «Солнышко, видно, играет, — мыслится парнишке. — Ну, и пусть себе радостно высвечивает. Раз метельных туч нет и небо насквозь прозрачное».

Двинулся было своей неторопкой дорогой дальше. Тройку шагов сделал, приостановился. Потому как дотошливая мысль не утихомиривалась. Вот стоит, в лад ей, беспокойной, бормочет:

— А чего ж полуденные лучи не играют в других местах?

Можно было бы и помедлить несуетливо, однако не поленился вернуться. Пришагал к местечку непростому, тронул носком валенка оранжево пушистую кочку. Там таятся что? Картофельные очистки полеживают, просвечивают, понимаете ли, под малиново-красным солнышком.

То им неведомо, что в радость они мальчишке. Хоть простые кожурки, а прям-таки в непременный большой восторг. Не утерпел, выдохнул:

— Теперь похлебку сварим!

На таковском душевном подъёме вмиг домчал до своего дома. Заподпрыгивал там перед маманей. Али я вам не добытчик? Глянь-ка, принёс что!

Бабка с этим неожиданным подареньем сразу — к печке поближе. Добытое пропитание пересыпала в уемистый чугонок. Огонь посильней развела. При всем том не утерпела повздыхать вполголоса:

— Днем раньше, днем позже...

Мнилось ей про стужу. Которая неуступчиво крепкая, исправно трескучая. Как ни поглядывай по сторонам, ни успокаивай свою душеньку, весной пока что не пахнет. До первой травки, до спасительной лебеды на лужайках не дотянуть всё равно.

Мороз широко похаживает по дрему. Звонко постреливает — волков пугает. Они возмут, на стылое поле возле деревни выбегут и кучкой воют: что за напасти в глухих оврагах? Послушного ответа им нет, поэтому зубастой ватаге желается со злости кого-

нибудь разорвать.

Караюшко, что сидит в сенях, учует их умышленное хотение да в свою очередь тоже завоет: вас, разбойников серых, не боюсь! Пусть хозяева железные затворы отворяют поскорей — я выскочу, дам вам бой! Кто в теперешнем Веретье станет слушаться пса? Семка если, но у него разговоры напрочь возразительные.

Когда уберется злонамеренная стая в потаенно далекие логовища, он — шасть из дома. Починает бродить по деревенским задворкам. Может, повезет в другой солнечный раз. Не против все ж таки парнишка, чтобы посчастливилось наткнуться на красивый оранжевый снег.

У масловской избы благодатных кочек негусто. Зато стоит береза в широком сарафане: длинные ветки свисают до земли. Все они, как одна, в богатеюще густом инее. Бросаются в глаза одежки здешней раскрасавицы. Коль таковская густега, то и понятно, что за ее узорочьем, толстовато пушистым, подробно обильным, дрема никакого не выдать.

Пусть не заметишь толпящихся елочек, только Семке ведомы тамошние дела. В зелени молодого подростка имеются кое-какие прогалы. Иногда неожиданно просторные, для заячьих прыжков и пробегов удобные. Что ж тогда всяким косым на широких опушках не жировать? Позволяют они себе, частенько позволяют беспечность.

Парнишка обойдет сарафанистую березу да и глядит со всем вниманием в лесную даль. Вон как резвятся косые, сытые донельзя, довольные ничуть не выужной погодкой. Ишь, как расхрабрились! По февральской поре прям-таки до удивления беззаботные. Туда-сюда бегают почем зря, высоко подскакивают на затвердевшем насте. Игры свои заячьи играют необремененно, с легкомысленностью.

А и чего им особенно сегодня раздумывать, когда деревня стоит без гомона людского, холодная и на мимолетный погляд неживая? Не голодно ведь этим беспечальным прыгунам, и нет на них метких охотников. Все ружейные добытки на войну ушли. Теперь белякам воля вольная резвиться вблизи Веретья.

Ничего ты, паренек, в старых шерстяных варежках не поделаешь, хоть себе шибко три стылые щеки, хоть совсем не три. Стоишь сиротинка сиротинкой? Живот подвело? Оно именно так, а где прежний оранжевый снег, ты знать не знаешь. Может, никогда больше не встретишь его. Обидно? Вздохнул Семка:

— Нечего тут! Возьму батин дробовик. Кликну Карая. Пойду в дрем косых гонять. Я им рога-то поотшибаю!

Мать, узнав о сердито прочном решении, так и села. Бабка уширила глаза, всплеснула руками:

— Страсти какие! Мороз вас, бедных, застудит! Волки никуда не пропустят, по надобе своевольной подступят, заедят!

Семка спорить не поспешил, молча снял со стены берданку. Заглянул в ствол, курком щелкнул, после чего последовало от него разъяснение:

— Мы с Караем не пустые пойдем. Вот оно, батино ружье. И ты, который всяк подступаешь, нас в обязательности бойсь!

Аграфена испуганно охнула:

— Боюсь, батюшка!

Гонять домашних парнишке было не резон. Поглядев на отступившую супротивницу, поразмыслив над ее странным по избе шаганием, сказал солидно:

— Тебе нечего пугаться, бабуся. Пусть разбойники серые боятся.

Дальше сборы пошли такие. Начал Семка надевать отцов хранившийся в сенях охотничий ватник. Чтобы рукава не висели до пола, он их посильней подвернул. В поясе одежка была слишком широка. Тогда он озаботился приспособить ремешок. Вестимо, для подпояски, без нее — никак!

Покрутился и понял: подготовку можно завершать. Нынче пора идти на промысел. В хорошей одежке да вернуться без какой добычи — никак нельзя, верно? Проверенный ватник, что ни говорите, всё ж таки поспособней будет, чем надоевшая мальчишеская шубейка.

Поднял ружье, перехватил покрепче ремень. Глянь — а на плече, обвисшем под тяжестью берданки, напрочь вырван большой клоч. Дыра белеет ватой. Семка враз огорчился и от полноты расстроенных чувств опустился на лавку. Известное дело, никогда не ходил батя с такими-то белыми отметинами на охоту. Он загодя готовился к походам в дрем. Как раз очень обстоятельно, не спеша. Всё у него гляделось в доскональности справным — что сапоги, что ружье и телогрейка.

Обсмотрел одежку дыру возле окошка. На воле рассиялось солнце, и вата в его лучах вдруг почала матово просвечиваться. Показывала, какая она искони чисто пригожая.

«Эту красавистую луну, — размышлял Семка, — надобно всю как есть сейчас же

убрать. Светится, ровно тут ей непригодный кто к охоте. Мы с Караем, промежду прочим, давно обученные. Да!»

Думать долго насчет иголки с ниткой не стал. Принялся за дело со всей неотложностью. Со всем своим упористым рвением.

Ничуть не удивительно, что игла с длинной черной ниткой быстро изничтожила ненужное лунное видение. Сообразным гляделся ватник на сей новый час. Однако, привстав, парнишка опять сел, за берданкой не потянулся. Вспомнил кое-что?

Именно что мысль подоспела: батя начинал поход в сосняки с проверки ружейного припаса. А где здесь карманы? Есть ли нынче патроны в этой справной охотничьей одежке? Нет ведь ни одного.

— Ой, на столе всегда перед охотой и дробь лежала, и пыжи! Там снаряжались метким добытчиком патроны. Потом уж оказывались они в карманах ватника. Точно!

— Поставил телегу наперед, значит, лошади? — не преминула заметить несговорчивая бабка. — Вот и не ходи на охоту!

— Ладно ругаться-то, — шмыгнул носом Семка. — Сами страсть какие голодные. А спорят здесь неумолчно.

— Никто не выражается, чтоб шибко с укоризной. Только все равно в лесу волки. Они хоть кого заедят.

Разговоры вести зазря? Великой нужды не было. Иного рода требовалось дело. Надобно поскорей подсаживаться к столу: столбиками нелишне выстроить в ряд найденные матерью патроны.

Пусть снаряженные стоят в левой стороне. Неснаряженные — в правой. Пока суть да хлопотное дело, очутились в правой как есть все... без трёх.

В них, в тех, что слева были, обнаружили пыжи. Значит, под кожаными кружочками должны прятаться и дробь, и порох. Пыжи кладут в гильзы для того как раз, чтоб дробь не высыпалась допрежь выстрела.

Про тугие кружочки батя в свое время всё разобъяснил. Так что мальчишку никто сегодня не собьет с толку.

Три патрона с крепкими затычками обещали если не трех зайцев на обед, то хотя бы одного. В надежности достоверного.

На всякий случай Семка проверил, что лежало там, под кожаными крышечками. И вот ведь какая штука получилась: пыжи были на месте, плотно сидели. Имелся под ними, как полагалось, порох. Но дроби в патронах не оказалось. Не было ни егозиночки.

Полупустая троица если на что годилась, то лишь для звучного хлопка. Для выстрела пусть громкого, но бесполезного — что называется, холостого. Попугать можно какого-нибудь лисовина. Это всегда пожалуйста. Однако утихомирить вдруг беляка для печной горячей похлебки... не выйдет ничем. Станет косою дальше подпрыгивать по ельням. В точности беззаботно, легко и высоко. Как раз до той поры, пока благополучно не окончатся от преклонности лет. На холостой выстрел всем таковским прыгунам чихать.

Подумалось мальчишке: «Батя, небось, не без гостинцев пошел на войну. Взял с собой весь нашенький свинец. Чтоб сшибать фашисту рога без передыху. На войне завсегда пригодится ружейный припас».

Поведал матери о законном своем предположении. Та подумала немного, печально вздохнула:

— Что касася берданки, так скажу. Положи ее на место, сынок.

Вздохнула, затем горестно понурилась, замолчала, став напрочь беззвучной.

Не прознал он про материнские думы. Как мальчишке войти в них, когда ничего больше не желает она говорить?

Углом платочка глаза вытирая, глядела на стену. Там ей и отцу Семки фотографом дозволялось семейно красоваться. И выглядели они, как говаривала бабка, истинно молодыми голубками на снимке.

— Добрый ты у меня. Заботливый, — погрузив, начала шептать мать.

Были у нее прозорливые соображения, чтоб в свою очередь Аграфене окончательно заявить:

— Правильно понимаешь.

Не вот тебе дословно высказанным сей разговор получился. Но от бабки не укрылись непростые нынешние думки.

«Дошло до меня, — мыслила, догадке в лад, парнишкина мать, — пошто высыплена дробь из патронов. Знамо дело, отец боялся за мальчишку. Как бы сын до ружья не добрался да не пальнул в избе ненароком. Заботился ты, мил-друг, о покое в семье. Ну, и войей там с врагом победно, а мы здесь уж как-нибудь».

Когда на сию минуто Аграфене ясно многое, то Семке очень трудно вникнуть в недомолвки, ничего-то не разобрать ему. Оттого была у него причина, чтобы

недовольно хмуриться.

Пошмыгал носом на взрослых, нежданно умолкнувших, твердо сказал:

— Хотя вы здесь как, но берданку не положу!

Слово у него оказалось упрямым до невозможности. По мнению бабки, поперечным до ужаса. Старушка, сердито поджав тонкие губы, подступила к парнишке:

— Да что ж ты, батюшка! Рази так можно с матерью?

Вроде бы корила она его по всем веретьевским правилам, не с бухты-барухты. Всё ж таки Семка полагал, что осердилась напрасно. Ведь придумал он, придумал, чем заменить дробь!

Теперь озорующие в сосняках зайцы могли со спокойной душой прыгать в суповый чугунок. Пусть Аграфена готовит ухват, который потолще и покрепче. А губы можно поджимать, когда беляки не поместятся в печной посудине.

Глава 3. КОМУ ДОСТАНУТСЯ ЛАПЫ

Глаз охотника должен быть каким? Приметливым.

Со всеми в доме разговорами Семка, будьте уверены, не зевал, он подметил: фотография висела на стене в деревянной рамке. И чтоб хорошая работа заезжего мастера красовалась в уютной сохранности, прикрыли родительскую парочку прозрачно гладким стеклышком.

Но что страшного тут делается, коль молодые отец с матерью побудут зиму без укрытия, приветно гладкого, годно прозрачного? Если пыль какая объявится, ее можно без промедления смахнуть.

Теперь давайте соображать дальше. Для охотника рамочка вчера была малозаметной, потому как не обещала большой пользы в добычных лесных походах.

То, что наблюдалось прежде, можно взять и забыть. Она сегодня глядится куда какой полезной, к ней интерес вырос еще как.

Семка не поленился подойти к фотографическому изображению и сообразить: чтобы стекло не вывалилось из рамки, его полагалось закрепить гвоздиками. Выдернуть железные хвоинки из дерева да посечь их на кусочки... это же легче легкого.

Вдвое или втрое укоротить тонкие длинные штучки нетрудно. Приложи к ним тяжелый отцов нож. Да вдарь сверху молотком. Широкое стальное лезвие вмиг перерубит запорные гвоздочки, благо их тут, в деревянной рамке, хватает.

А на другой стене — еще одна семейная фотография. И там тоже найдется кое-что. Чтоб взять и вместо дробы приспособить.

Вся эта железная мелочь непременно сотворит нужное дело, усердно вылетит из ствола, и тогда пустых выстрелов не будет. Три полностью снаряженных патрона жажнут так, как надо. После чего зайцы порадуят голодный веретьевский народ, окажутся быстро в печи.

Порушив рамочный крепеж, Семка постарался наладить ружейный припас до справной готовности, обрядился в отцовский ватник и двинулся в уход. Мать с Аграфеной его не пускали, однако сил у них было маловато, чтоб воевать до потребно верного конца: остался верх за несговорчивым охотником. Он всё ж таки пошел в дрём не ради баловства, а по неотложной заботе — приключилась несомненно великая нужда. Так что шевели, парнишка, ногами, ступай в сосняки и во что бы то ни стало добывай сегодня пропитание.

Лыжи у Семки вполне подвижно скользили по твердому насту, лишь немного прикрытому мягкой белой порошей. Караюшко бежал рядом с охотником, нисколько не проваливаясь в глубокие, волнисто обширные сугробы. Что для голодного пса было как раз хорошо. Если б наст под лапами обрушивался, то пришлось бы в пухлом снегу барахтаться, тогда собаке не миновать вскорости растерять все не шибко большие силы. Пропадет у нее всякая резвость, и — прощай, добычливая охота на косых!

Лес встретил мальчишку тихим ровным шумом. По верхам зеленых сосен шел морозный ветер, коему прозвание давал батя именно такое — сиверок. Он ронял комья снега с высоких деревьев.

Не любят зайцы кормиться, когда поднебесные кроны принимаются раскачиваться неугомонно. Непрошенные подарки летят увесистыми лепехами, бесперебойно обтряхивают иней с веток, от того всем в дреме больно много беспоконья.

Белякам самое время прекращать беспечные прыжки и круговую беготню, а если чем заняться — отыскать привычные лежки, в удобстве расположиться там для сторожкого отдыха.

Они, значит, полеживают, не забывая посматривать по сторонам. Напротив, охотнику, которому нужна добыча, не до отдыха. Знай ставь собаку на след, пусть она гонит косога под твой ничуть не холостой выстрел.

Караюшко почуял беляка. Взревел гулким басом. С голодухи, наверно, трубно

разошелся. Метать снежные вихри из-под лап кинулся разом — пошел, пошел по сосняку, празднуя свой долгожданный охотничий гон. Вот уже скрылся из глаз мальчишки за купой изумрудного, неуступчиво колючего подростка.

Семке что полагалось свершить? Перво-наперво надо стащить берданку с плеча, где никаких ватных дыр уже не наблюдалось, и правильно встать.

Припомнив подсказки бати, зашел за елочку — устроился удобней, поступил именно так, как надо. И теперь оставалась ему одна забота: жди, когда быстрые ноги вынесут из густых зарослей увертливо хитрого бегуна.

Мимо ружья тому нипочем не проскочить, пусть даже догадается повыше подпрыгнуть.

По-прежнему дул озорной сиверок, и время от времени сыпались рыхлые комья снега с недалеких деревьев. Вместе с падающими лепехами летели вниз отжившие свое иголки с веток.

Обширны кроны стройных краснокорых великанов, много старой хвои подле стволов. Устилает она дрём кругами. Что ни сосна — то и подушка, когда коричневатого, когда желтого окраса, у корней.

Поджидая добычу, смотрит Семка в гущу леса внимательно. Даже можно сказать, что в доскональности пристально. Не может не заметить он расцветки снеговой подле стволов. Непростая — на погляд очень заманчивая — желтизна настойчиво лезет в глаза. Как будто волны сугробные кто-то назло малолетнему охотнику усеял разбитыми куриными яйцами.

Ах, до чего же аппетитно глядятся круги!

Так бы и съел вкусный желтый снег!

Гремит Караюшко. Трубный голос подает исправно. Пес гонит зайца по зарослям, а тому неспособно прыгать по тем же густым ивнякам. Маловато ему вольной воли, если каждый сучок норовит вцепиться в бок. Нет-нет, да и выскочит бегун на открытое место.

Невпримерлучше, много свободней скакать по какой-нибудь замерзшей болотинке, поскольку там нет сучковатых препонов. Однако по дряговинам бегать выйдет себе дороже. По ровному — чтоб напрочь без кустов — именно что по открытому месту собака несется вихрем. Легко прибавляет прыти, и вот-вот достигнет, схватит косога. Посему дозволительно тому нырнуть куда? В изморосно гибкие ивняки либо в тесные крушинники.

Оглянется он на близкого пса, сделает свечку, увернется от острых зубов и — шасть в сторону. Снова творит изворотливый бег в круговерти всяких кустовищей.

При всем том не забывает петлять. Успешно вяжет кружева мелких следов. Но Караюшко упрям, азартен. Не беда, что заяц себе на уме и до невозможности вялый. Да пусть он прячет свой короткий хвост в изморосной густеге! Собаке тоже умельства не занимать. Не очень-то надобно примечать это мелькающее в кустах пушистое пятно.

У ловкого бегуна хвост один, а лап сколько? Четыре, и все они оставляют следы с душком, на особицу вкусным. На то Карай и гончий пес, чтобы распознать по запаху, куда подался хвост даровитого хитреца.

Сболотца — дав крушинники, оттуда вельнюгонит обученная собака ускользящую добычу, а дрем к торопоку бегучей охоте прислушивается. Пошевеливает и там, и тут мохнатыми иссиня-зелеными ветками.

Столько соблазнов в безлюдной чаще, что голодный Карай нет-нет и приостановится. Поднимет морду, заскулит отчаянно. Ведь горло перехватывает, когда рыжий лисовин дорогу перебежит и нисколько при всем том не поспешит ударить — скорее лениво хвостом вильнет. Дескать, не догонишь, коль цель у тебя сегодня совсем иная.

Так бы, кажется, и бросился вдогонку за нахалом!

Но разве толковый гончий пес допустит такое послабление, чтоб с одного следа перескочить на другой? Он для себя позором считает отвлекаться на каждую встречную мышку, белку либо остроухого лисовина.

Настоящая охота свои законы имеет. И там прописано, что не полагается метаться по соснякам, облаивать подряд всю живность.

Запнется, значит, Караюшко, неприязненно вякнет на того, кто препятствует серьезному собачьему делу. А в другую встречу не стерпит, даже острыми зубами клацнет: ужо станется тебе! Будет повторный случай, попадешься мне — шкуру как раз попорчу!

Разговору спорного нет: все равно помощнику Семкиному не отказничать, не отлынивать, но истинно что поспешать за беляком. Торопиться дальше, чтобы творить неотложную свою работу, и посему...

Веретьевский мальчишка! Тебе подкачать нельзя.

Если сию минуту встал настороже, наставил в кусты берданку, то всенепременно

полагается выцелить косога и метко пальнуть.

Парнишка стоит, размышляет: «Теперь надобно выгнать зайца на стрелка. Не верится мне, что Карай умчится за каким-нибудь лисовином. Иначе ведь не охота получится — простое баловство. В таком разе куда он гонит косога? Обязан заворачивать его правильно, в мою сторону. Вовсе не в сторону оврагов».

Лай не отдаляется, он приближается. Вроде отвернула погоня от лихих глубоких лощин. Трудная работа у пса приключилась. Однако исправно справляется он с ней.

Похоже, Караюшко не забыл, как учили его в прежние годы помогать по-умному. Не хочет сегодня сколоться, а хочет, чтоб не ушел хитрый бегун от меткого добытчика. Все-таки много соблазнов в дреме, где по военной поре поуменьшилось число охотников, дотошливо умелых и завсегда смелых. Зверья всякого, напротив, развелось заметно больше прежнего.

Неспроста собачий голос шибко изменчивый. Изголодавшийся помощник то гавкнет не совсем по делу, то вякнет неприветливо, то заскулит жалобно. Небось, желательно ему бросить разбег, закусить на ходу легкодоступной мышкой.

Только держится он. Может, из последних уже сил.

Как послушаешь дрем, так настойчивей подступает, сильнее разбирает тревожное беспокойство. Сам, того и гляди, кинется парнишка вглубь великанского соснового строя.

Ноги у него прям-таки дрожали от причинного нетерпения. Ох, не замельтешил бы, не скололся бы охотничий многозвучный помощник! Не тот нынче случай, чтобы невозбранно, свободно взять и сбиться со следа.

Досадуя на свои ноги-торопыжки, присел Семка на корточки: никуда не побегу! Пусть утишатся только беспокойные коленки. Тогда опять приподнимусь. Встану, вскину ружье. И будет выстрел точно в цель. Потом...

Будьте уверены, потом будет добыча приторочена к поясу. Точно таким образом, как поступают все уважающие себя охотники. С пустыми руками никто не собирается возвращаться домой.

— Ты знай гони беляка на меня, — шепчет Семка, потихоньку вырастая из сугроба, снова пристраивая ружье к плечу. — Подмоги, Караюшко, не забуду. Батя как награждал тебя за удачную охоту? Правило у него имелось. Такое, чтоб умной собаке отдавать заячьи лапы. На погрызку. Само собой, и я гончего пса не обижу. Все четыре получишь, мы с бабкой не пожадничаем. Нерушимое слово!

Глава 4. В СУГРОБЕ

Заяц выскочил неожиданно. Вовсе не с той стороны, где высились сосны. Нелегкая вынесла его из крушинников, что притулились сбочь и были основательно припорошены последней метелью.

Его появление почему стало внезапным? Карай, верней всего, искал обходную тропу в переплетении кустовищей, замешкался, примолк. До поры там стояла тишина, по-сонному смирная.

Затем посыпался иней с веток, и ловкий хитрован упругим комком вымахнул на тонкую порошу перед Семкой. Второпях не заметил ружейного охотника, недвижно замершего и даже, позволительно сказать, очень удивленного. Пришлось затормозить, развернуться, вскачь улепетывать.

Вслед за ним повернулась берданка, чтобы взять беляка на мушку. Не оплошал мальчишка, вовремя нажал на курок.

Вороненный длинный ствол жажнул со всем возможным старанием.

Когда гулко бабахнуло, владелец ружья в своих невеликих валенках еле устоял — толкнуло в плечо от души! Так сразу и сел в близкий сугроб.

Ловкачу, сильно ушастому и глазастому, достало ума высоко подпрыгнуть, броситься поскорей назад. В спасительную густегу отчаянно сплетенных веток.

Какое понимание обрушилось на взволнованного парнишку? Не иное, а как раз горькое из всех горчайших: вот тебе и скорая промашка.

Можно до слез расстроиться здесь же, в холодном сугробе. Однако не успел, потому как из крушинника с лаем выскочил Караюшко. Завидев добычу, пес могучно взревел.

Он так широко раскрыл зубастую пасть, что косою ополоумел. Нет бы ему скакнуть влево или вправо, чтобы уйти от страшной собаки в отрыв. Но, перевернувшись через голову, он кинулся к Семке. Тот барахтался в снегу, пытаясь подняться.

Вышло так, будто заяц искал у охотника защиты от зверя, громко ревущего и страшно клыкастого.

Как ни рассуждай, только ведь гончая собака, разбушевавшаяся по причине голода, хоть какого ушастого хитреца напугает до смерти. Мальчишке повезло ухватить за

лапу гостя, нежданно сугробного, визжащего от безнадежности и тонко, и донельзя пронзительно.

— Белячок объявился ничуть не тяжелый. Совсем, гляжу, малолеток.

Удивлялся молодец веретьевский, сам нисколько не многовозрастный. И было ему время припоминать кое-какие слова ушедшего на фронт отца: «Косые раза четыре в год котятся. Зайчиха с этим делом кончает уже где-то по осени. Поздний приплод не успевает обучиться всем уловкам, а здесь уже первая пороша. Охотники спешат в снежные поля и ложки. Молодняк не шибко сторожится, часто попадает на мушку. Вот старый заяц, тот всегда себе на уме. Собаку попытается обмануть далеким — в сторону — прыжком. И следы запугает, и засаду обойдет. Взять его непросто. Он сам тебе не дастся в руки».

Посмотрел Семка на помощника своего, испугался. Глаза у пса ровно бы остекленели. Из раскрытой пасти капала слюна. Таким распленным никогда парнишка не видел Карая. Как бы не выхватил исправный помощник добычу и не сожрал на месте. Поди останови окриком огромную собаку, когда она голодна, будто матерый овражный волк.

— Я тебе лапки... лапки... потом, — бормотал он усталому, до чертиков изголодавшемуся другу.

С места пес не двинулся, однако не стерпел, поднял морду, завыл от огорчения. Надо понимать, дошел до крайности в беготне. Обессилел и пустил мимо внимания, как мальчишка спрятал зайчонка. Понюхав прежние следы и не найдя новых, снова подал голос небу.

Пусть слов от Карая не дождешься, все равно распознал охотник его мысли. «Куда косою делся? — горевал отличившийся добытчик. — Только что здесь был. А теперь не видать. Дайте гончому псу поесть сейчас же. Иначе помрет он с голодухи».

Прихватив ружье, Семка поднялся. Хорошо, что телогреечная подпояска у него оказалась крепкая. И кожаная, и усердно широкая. Не вывалится из-под нее дремный гостинец. Наверх из ватника тоже не было ходу: все пуговицы застегнуты до горла. Заяц потрепыхался немного и затих. Есть догадка — ему полагалось убояться оглушительного лая.

Однако не исключено, что понравилось греться под защитой ватника. На снегу, как ни суди, будет попроще. Кто их, беляков осеннего помета, разберет?

Одно верно: раньше кричал прыгун, визжал старательно, а теперь, очутившись у Семки запазухой, решил вести себя смиренно. Пускай в тепле посиживает, свою думку тихо думает. Охотнику некогда в досужих размышлениях тут задерживаться, вот и поспешит подале. Назад, в родное Веретье. Маманя, поди, заждалась, сидючи возле окошка. Аграфена печной чугунок настроила у загнетки, тоже хочет поскорей с добытчиком свидеться.

Ничего, приключится на сегодняшний день ожидаемое. Домашним, которые сильно о супе мечтают, будет именно богатое угощение.

— Карай! — строго сказал Семка. — Поймал я косога. Хватит здесь разоряться. Желаете урвать слишком большой куш. Тебе всегда только лапки давали. Никто не отказывает, получишь свою долю. Идем домой, понял?

Пес, опустив буйную головушку, нехотя потрусил за парнишкой.

Лыжи словно сами побежали. Легко взлетали на скользкие бугры. Послушно выбирались из овражков. На радостях удачливый охотник дорогу выбрал кратчайшую, но была та не из удобных. Пришлось попотеть, вздымая снежную целину.

Выскочил на поле, за ним уже виднелись знакомые избы, а также замшелые баньки, выстроившиеся на околице. Как заметил Семка родной дом, так быстрее понеслись лыжи. Они пели: ширх-ширх! Снег в лад бодрой песни весело искрился. Солнце улыбалось, словно у него случился обеденный праздник.

Оглянулся добытчик, который на сию минуту не вот вам ноль без палочки, поискал глазами помощника — мы знатно отличились, но ты, кажется, потерялся.

Пес тащился где-то в трех шагах. Худые бока то раздувались, то опадали быстро-быстро. Заметив брошенный Семкин взгляд, досадливо заскулил: не видишь разве, как умаялся? чего мчишься, будто спешишь след в след за косым? мой знакомец исчез, других беляков нет впереди, поэтому поумерь прыть!

— Ничего не понимаешь! — крикнул ему справный охотник.

Таким счастливо звонким был голос парнишки, что Карай от неожиданности сел на задние лапы.

Двинулись они далее по искрящейся сметанной белизне веретьевского поля. А бор, оставшийся позади, под лучами солнца стал наливаясь густой зеленой дремностью. Тем легче ему было наливаться, что сиверок охотно дул и с нескончаемым усердием обтряхивал кроны деревьев.

Спокойно стояли сосны, в одночасье ровной гребенкой глядевшие, большуще

огромной, красавсто изумрудной.

Если всматриваться в эту неохватную ширь, то уже сама небесная синева начинала зазеленевшей казаться.

Потом и сметанное поле, чудилось, потихоньку пошло вбирать в себя новую краску. Вот уже зеленые сугробные заструги волнами потянулись от лыж до самой до веретьевской окраины.

Как здесь умолчать парнишке?

— Конечно, Карай, тебе до зеленого снега нет никакого дела. Требуешь: зайца подавайте, целиком. Но ведь уговор был, который дороже денег. Придем домой, тогда получишь лапки. Жилье наше недалеко. Не видишь разве?

Он махнул рукой в сторону избяного притихшего ряда. Верный помощник сразу подал в том направлении понимающее громогласье.

И приключилось нежданное. То ли замах парнишки его потревожил, то ли оглушительный лай, но дремный гостинец взвозился в телогреечном тепле. Смирный прыгун решил очнуться. Он принялся бить туда и сюда пружинистыми лапами.

За пазухой у мальчишки что-то сильно затрещало. Боли особой не ощущалось. Однако сразу объявилась вольная воля испугаться.

Нет ведь препону для соображения: если беляк изловчится да развалит тебе живот?

Пес громкую звучность поутишил, и солнышко нисколько не померкло. Но беспокойства все же прибавилось. Вдруг что Семкины тощие жилки почали рваться? Ужас до чего всем в деревне голодно. С холоду, с голодухи ты — пусть на сей день сплошной добычливый молодец — всё равно можешь смекнуть так, что заячьи когти в точности полосуют живот. Они разрежут тебя до печенок, потом доказывай, что Карай был неосторожен. Не прав был, когда пожелал в одиночку слопать добычу, лаять стал.

Ой, как неприятно под ватником трещит! Одежка ниже подпояски и поверху вроде не прохудилась. Отстегнув две черные пуговицы у горла, он опустил руку запазуху. Косой рванулся изо всех сил. Словно что его подкинуло — размахивая ушами, он вылетел наружу, бухнулся белой спиной о лыжи. Перевернулся, подпрыгнул стгоряча, приударил по веретьевскому полю, ровно твой снежный вихрь.

Вникнув — хоть и не сразу — в аховое свое положение, позволил спружинить длинным, завидно крепким задним ногам, чтобы помчаться в изумрудный сосняк. Гончему псу осталось лишь проводить его долгим грустным взглядом. Затем виновато вильнуть хвостом, подойдя к несчастному хозяину. Не могу, дескать, поспешать за беглецом! Притомился очень!

Минуты две стоял мальчишка истинно что столбом. Не верилось ему, что лишился бесценного дремного подарка. Лес дал, он и вскорости назад взял.

Бабка Аграфена! Не будет тебе чугунка с вкусной зайчатинной. Пошла прахом вся охота!

Семка покрутил головой, потер шерстяной варежкой нос, которому захотелось почесаться в недоуменной обиде. Веретье рядом, вот оно. И здесь, вблизи домов, стой не стой — только нипочем не вернешь сбежавшую добычу.

Расстегнул телогрейку до пупа. Страшное там приключилось с животом или какое другое?

Рубаха была разорвана аккуратно. На вытянутые ровные полоски. Никаких шибко рваных лохмотьев не наблюдалось. Будто поработал тут не заполошный белячок, а полосато-швейных дел усердный мастер.

Перед тем как застегнуть ватник на уцелевшие черные пуговицы, Семка заправил получше рубаху. «Она, знать, и трещала, когда прыгун бил ногами. На животе нет царапин. Целым оказался. Это хорошо, но жаль — был пустым, останется сегодня пустым тоже».

Оказия, как ни суди, неприятная до крайности. Ты о беде не помыслил, а вот сильно ушастый белячок, долго думавший тихую думку, не упустил случая, чтобы удрать из запазухи. Сообразил, будто он тут какой-то особо умный.

Теперь ничего не поделаешь, ступай домой налегке, охотник лопоухий.

Идет парнишка по молчаливой деревне. Не замечает ни близких захолоделых избушек с морозными узорами на стеклах, ни бань, что давно забыли про горячие каменки. Хочется ему заплакать, однако слез не льет, держится.

Мать, узнав о несурзанности, приключившейся на обратном пути из дрема, не стала корить Семку. Посмотрела на щеки охотника, заметно исхудавшего за последние дни, и сказала, будто погладила:

— Погулял, сынок, маленько, и ладно. Тебе не помешает. А то больно гляделся плохим. Надежды все равно было на удачу мало, так что не печалься.

Аграфена слова не вымолвила. В расстроенных чувствах залезла на печь и долго-долго не слезала оттуда. Страсти-то какие! Заяц почти что уже лежал в чугунке, варился

безо всяких возражений. И нате вам — удрал! Нет, не судьба поесть вкусенького. Потому надобно горевать, собравшись в калачик на печи, и ругать свою судьбу.

— Ты погоди кряхтеть на кирпичах, — Семка решительно подал голос. — Я схожу в баню к Масловым. Помню, видел на полке веник березовый. Приготовленный тамошними ребятами еще с лета.

Принес он масловский запасец, мать сварила из него суп, благо никто до того не обтряхивал густегу березовых лепестов. Тогда Аграфена чуток повеселела, слезла с угретых кирпичей. Измельченные, крепко вываренные листочки она ела с видом успокоенным, однако же глубоко задумчивым.

— Бабусь! О чем размышляешь? — поинтересовался мальчишка.

— О зайчатине. О чем же еще? С ней, батюшка, похлебка завсегда приятственней.

В свою очередь, принялся охотник думать. Мысли у него были не вот вам пустопорожние. Завтра надобно снова отправляться в лес и добывать беляка. Коль есть в запасе еще два патрона, то и найдется им неуклонное охотничье применение.

Не заметил, как тарелка у него опустела. С дотошливыми соображениями о нынешних зайцах похлебка становится... бедным-набедно съедобной. И очень быстрее быстрого.

Глава 5. ЧУЖАЯ СОБАКА

Не иначе, дремный гостинец, сбежавший от веретьевского охотника, переполошил окрестных друзей-приятелей, всех косых родственников. Почему сразу не поведать о страшном гончем псе? Семка полагал, что смысла не было утаивать историю.

Если б сам очутился на месте беляка, то уж обязательно выложил: в лесу опять стреляют. Провизжал бы, пропищал или как там еще, но только честно донес правду. Так, мол, и так: надо всем отчаянно сторожиться, а то худо станет.

Не всегда молчанье — золото. Сегодня дружное заячье племя тебе скажет спасибо. И удерет от греха подальше. Прямо-таки от основных привольных прогалов именно в потаенные овраги. Либо на дальние дряговины, на замерзшие клюквенные болота, где издали можно заметить ружейных охотников.

Таким макаром поразмыслив, решил мальчишка перехитрить косых. И на диво прыгучих, и завидно быстрых.

Пусть неизвестно, как у них насчет разных доверительных разговоров, но полезно будет направить поход в другую сторону. Вовсе не в прежний сосняк.

Вот идет — патроны при нем, берданка за спиной, заштопана телогрейка, чтоб никакой дыры не было в помине. Лыжи на валенках аккуратного охотника поскрипывают, продавливая свежую порошу.

Путь его лежит к масловской избе, мимо березы, облепленной ночным снегопадом. Мимо баньки, где удалось раздобыть веник, и далее — за околицу. Через какое-то время вышел к просеке, обозначавшей дорогу в неблизкое село. До соседей, почитай, километров десять верных.

Проселок переметен во всю ширь и даль волнистыми сугробными валками. Не враз сообразишь, что под наносами схоронились тропки. Еще недавно тянулись здесь доподлинно грустные обитатели Веретья, решившие покинуть родные места. Если же теперь глянешь попристальной, то невольно удивишься: сколько следов, обещающих поживу для шустрого добытчика, пришедшего на безотказных лыжах!

Белякам, хоть в соснах, хоть в крушинниках, простору много. Вот и позволили себе вконец осмелеть.

Зима этим годом непростая накатила, можно им в свое удовольствие колготиться на просеке. Когда вся окрестность обезлюдела.

Выбегают они храбро не только на лбки и полянки, тоже и на те проселки, где раньше не имели свободы поноситься вволю и со всей лихостью попрыгать.

Радуются невиданному раздолью. Здесь, куда ранее заглядывать остерегались, ивняку на обочинах полным-полно. Знай отъедайся — дозволительно лакомиться нежными желтоватыми веточками и терпкой, однако же вкусной корой. До нее все они большие охотники!

Семке их беспечные завтраки, обеды на руку. Высмотрел куст, где посolidней натоптано, послал Карая гонять зайца:

— У тебя задача выбрать такого, чтоб потяжелше был. Покрупней. Понял?

Помчал пес вперед, держа в голове мальчишеские наставления — ату его, толстого беляка!

Ружейный охотник, если по всей форме, не вот вам сильно взрослый, однако вникает правильно. Жирует добыча на дороге прямо. Обнаглела до невозможности!

Прав Семка, когда идет на лыжах и досадует на косога: «Всем война, ему, напротив, мать родна». Также и в том прав, что желательно спровадить добычу побыстрее в

чугунок. Пусть Аграфена зазря на печь не поднимается и не ругает зловредную судьбу.

Караюшко знает неотложное дело. Настоятельно подал голос, пошел чесать по ивнякам. Да с обочины — на другую обочину. И напрямиком — в опушенно выбеленную чашу.

Не успел парнишка оглянуться, как потерял стремительного помощника из виду. Унеслась азартная погоня с просеки. Скрылась за переплетениями ветвей, за черными осинниками. Спрягал ее бескрайний лес, и голос пса, обнаружившего особо голодную ретивость, затих — натываясь на могучие стволы сосен, заплутал в глубине дрема.

Вскоре уже и не слышно, как вдогон за добычей ревностно поспешает парнишкин посланец.

Ведомо Семке лишь одно: объявилась рядышком стайка пичуг. Клесты принялись возле него перепархивать.

Вспомнив отцовы подсказки, согласно покивал птицам — верно всё, время сейчас подходящее, чтоб заняться гнездованьем.

Случаются в дреме присущие удивительности. И батя о некоторых рассказывал. К примеру, зимой хлопчуг клесты-сосновники усердно. А почему? По той причине, что потомством надобно обзаводиться. Ему не страшны хоть морозы, хоть февральские вьюги.

— Давайте, старайтесь, коль здесь родительские заботы. Однако нельзя мне уйти с места. Стану берданку нацеливать. Не иначе, Карай выгонит зайца на меня. Так что извините!

Тем часом... совсем не слышать справную погоню. Ну, словно унесло ее с ветром в неизвестные дали.

Что же это делается там, за дремным толпотвореньем! Чешет молодой охотник потылицу, крутит бедовой головой. Клесты на него уже — ноль внимания. Некогда им разглядывать гостя, пусть он в охотничьей телогрейке и на широких лыжах. Когда у него своя пора, чтоб слушать шуршанье ветвей, скрип снега, то ладно. Дозволяется ему и постоять сбочь просеки, и послушать птичье порханье.

Пичуг понять как раз нетрудно. Им что главное? Чтоб сосновых шишек сегодня оказалось в достатке. Будут они выковыривать вкусные зернышки, то бишь пользительные семена.

Приглядывать за мальчишкой вовсе не их неперемное попечительство. Завсегда именно у стрекочущих сорок есть раденье — поднимать в лесу переполох. Если кто-нибудь опасный вдруг забредет в сосняк, тогда их шум стодится, но сейчас иной разговор...

«Раз такие пироги, — вздыхая, поправляет шапку Семка, — не стану заглядываться на клестов. Пускай себе мирно порхают, шишками кормятся. Птенцов ублажают».

Пока что ему время готовиться к выстрелу. Он снял с руки варежку, переломил берданку на коленке, загнал патрон в ствол, под боёк стального курка. Должны сослужить свою службу дробенькие гвоздики. Как раз по всей стрелковой надобности.

Уж что есть, то есть: не зазря они посиживают под кожаным пыжом заместо увесистого свинца. Полагается им так отгемиться, чтоб в обязанности свалить нахального грызуна, попортившего немало кустов на просеке.

Ох, не промазать бы только!

Ведь не посмотри объедала на то, что все в деревне на тутошний день живут вполсыта, даже хуже. Удерет косою. И поминай, как звали.

Начинает нелишняя думка подступать, размышляет мальчишка обстоятельно, ничуть не путано: «Заяцу, когда второпях выскочит на открытое место, пожелается не маячить. Перескочит проселок махом единым. Не где-нибудь, а тут, перед густым ивняком. Значит, не стоит мне крутиться абы как с ружьем. Нужно стоять крепко, нацеленно. Тогда верно случится, что не промахнусь».

Поднял тяжелый дробовик. Ждет-пождет беляка, только где Карай? Не слышать его и поблизости, и вдали. Руки парнишки, ослабевшего с голодухи, потихоньку опустились, ствол упулился в сугробную вершину холмика.

Несомненно для стрелка — добыча нужна еще как. Поэтому снова он, поднакопив сил, укрепился на лыжах, вздернул ружье вверх.

Вот приладился, а время идет, и зайца нет как нет.

Перевел дыхание, посмотрел Семка на чистое небо. Подивился — до чего прозрачное стало оно ближе к полудню. Размахнулось во всю ширь! Окрасилось в цвет истинно голубой.

Непонятно по какой февральской причине, однако достоверно, что очень много сверху обнаружилось прозрачной голубизны. Поток льет она вниз. Хоть на волнистую просеку с ее длинными валками, хоть напрямиком в Семкино лицо. Голубой снег в охотку припустил, чтобы под солнцем нежно искриться. Пряма-таки ластится

он к опушенным, изморосно белым ивнякам, к завьюженному сосняку и кудряво изумрудным елочкам.

— Фу! — выдохнул юный веретьевский охотник, опустив берданку. — Устал, никакой мочи нет. Тут еще это, гляди! Всё вокруг сверкает. Глазам лишь давай жмурься. В случае чего поди уразумей, как стрелять. Плохо видно, если отчаянно бьют в зрачки неуступчивые искры.

К счастью, для Семки не секрет: снег иногда слепит. Батя как учил ране? В зимнюю пору приключится такое, рассеется наше светило, почнет всячески слезы выжимать — не тушуйся! Терпеть огненную резь ни к чему, просто варежками прикрой лицо, пускай глаза отдохнут. Потихоньку всё пройдет.

Парнишка не растерялся, отвернулся, проморгался. И вновь приложился к желанному дробовику. А ну, выскакивай, который здесь ушастый косою толстый грызун! Попировал! Хватит по ракитникам носиться!

Самый тот час, когда пора тому выбежать из кустов, на мушке очутиться. Он и выскочил, не шибко промедлив. Следом за ним ходко вынеслась из дрема собака.

Чужая, не веретьевская она была. Не сказать, что очень крупная — поменьше гляделась, нежели верный Караюшко. И масть оказалась у гончей непонятная. Пестрая, будто лоскутное одеяло бабки Аграфены.

Упористому добытчику недосуг разглядывать гостью. Выцелил по скорейшей потребности косою. Захолоделым пальцем — но как учил батя, остороженько! — нажал на курок.

Ахнуло ружье, согласно выплеснуло огонь, дым, дробненькие гвоздики. Приклад не задержался, шибанул Семку в косточку плеча. По причине отдачи. Так сноровисто ударил, что в глазах того на секунду потемнело.

Ствол, конечно, подбросило усиленно вверх, и соседние ивняки, чьи ветки выстаивали не первый день в инее, осыпались без лишних разговоров.

Что сотворила пестрая собака? Со всеми своими одеяльными лоскутками на короткошерстных боках в одно мгновение отпрыгнула вправо. Заяц, взболтнув мягкими длиннющими ушами, влево сиганул. После чего он замер на голубоватом снегу безучастным комком. Подстрелил-таки добычу мальчишка, не промахнулся.

Не теряя времени, схватил он бездвижную белую тушку, прижал к себе. Гончая увидела, что стрелок из каких-то посторонних. Он пришелся ей не по нраву, с многообещающей угрозой принялась фырчать. Не мигая, не отступая далеко в сторону, супротивно оскалилась.

— Иди отсюда! — крикнул ей Семка. — Сейчас прибежит Карай. Тебе загривок намнет. Чтоб не ворчала.

Ишь, какие недобрые клыки она кажет! Повадка у большущих собачьих зубов известная, им желательно вцепиться и кусать. Однако не след тут обнаруживать недовольное рычанье. Что в деревне завсегда говорят? На чужой каравай рот не разевай!

Из густеги потревоженных кустов торопился обсыпанный снегом дед. Беличий треух у него съехал куда-то на затылок. Маленькие глаза-льдинки сердито сверлили незнакомого парнишку. Он поправил шапку, надвинув ее на брови. Закинул свое ружье за спину и сказал хрипло:

— Ну вот! Кончена охота!

— Ага! — не промедлил ответить Семка. — Смог я попасть.

Произнес довольные, даже по-мальчишески веселые слова. И поехала у него счастливая улыбка от уха до уха.

Взрослому добытчику, по мысли веретьевского охотника, полагалось догадаться: всё хорошо! с мясом теперь бедующие деревенские проживатели! Тот же нисколько не поспешил обрадоваться удачному попаданию стрелка-малолетки. Снова за треух схватился досадливо, дернул его. Да так усердно к нему прикоснулся, что белкин рыжеватого-серый мех вздыбился над кустистыми бровями. Подозвав пеструю собаку, бросил ей что-то на погрызку.

— Ты у меня безродная, однако толково по дрему гнала. Не твоя беда, когда чужой кое-кто постарался. Когда взял и скрал зайца.

Речь оказалась несправедливой, хозяин Карая порешил обидеться. Юный добытчик крепче прижал к себе тяжеленькую тушку и со всей возможной солидностью заявил деду:

— Никто не крал! Косою бежал, я стрелил. Уложил его честно.

Владелец безродной гончей резко обернулся. Треух сдвинулся на затылок.

— Да? Пусть и стрелил, но с под моей собаки. За это полагается подать платить. Соответствующую... для охотничьего порядка.

Семка недоуменно заморгал. Это по досадно горькому случаю означало: дедушко! в чем я провинился? о какой подати речь?

Слыхом не слыхивал парнишка о странных расчетах в дреме. Никогда батя не подсказывал: «Имеются, прими во внимание, платежные правила среди охотников, на все сто метких и добычливо настоящих».

Намекательное требование хозяина пестрой гончей не понравилось человеку, которому вынь да положь подкормить мать и бабу Аграфену. Он мигом надул губы: дескать, хватит здесь рассказывать сказки! кое-кто просто хочет заполучить обманом зайца!

Дед тушку не отбирал у стрелка-мальца, но и прочь не уходил. Знай поглядывал на свою собаку, виновато вилявшую хвостом. Чесал редкую бородку. Одним словом, вел он себя настолько неуспокоенно, что треух катался по лысой голове, будто санки по крутой горке.

Из чащи выскочил упаренный помощник веретьевского добытчика. Замер, приметив неизвестного в беличьей шапке. Семка немедленно позвал:

— Карай, ко мне!

Пес не кинулся в растревоженное послушанье. Встал рядом с мальчишкой и рычать на гостей не поспешил, зато храбро уставил на них настороженные глаза.

Дед, конечно, уразумел Семкины обиженные думки, пожевал губами. Вздохнул, выказывая ничуть не спящую совесть:

— Насушился зря. Если кто добудет косога с под чужой гончей, то делиться надобно. Всех правил не ведаешь, и подсказу не по злу, а по чистой правде. Вот моя собака подвела к тебе косога. Она ведь хорошо поработала. Вся измочаленная, глянь-ка. Дни голодные, пожалеть ее неплохо бы. Коль ведает она закон, то пусть погрызет заячьи лапки. Имеет право на добычу, а ты имеешь право получить от меня патрон, честь по чести снаряженный. Истратил заряд — получи замену. Мы, охотники, крепко уважаем своих собак. Разве ты, хоть и малец покамест, не пожелаешь уважить справную гончую? Наше занятие не баловство. Так что приму беляка, двинусь восвоюси. Когда в годах, тяжело бродить по лесу. Подрастешь, станешь по всем правилам честным добытчиком. Или как? Побаловал тут, побежал домой безо всякой чести?

— Я не баловник, — нахмурился невеликий веретьевский беседчик.

— Смотри. А то можешь забирать косога. Ох, времена теперешние...

Глава 6. ПО ВТОРОМУ КРУГУ

В кармане ватника полеживал у Семки тяжеленький, словно чугунная гирька, патрон — последний из трех недавно снаряженных. Жалко расставаться с ним. Надоба к тому же присутствует. Такая, чтобы смекнуть: пусть он пока там пребывает, где спокойно полеживает и есть не просит.

Коль без промашки из берданки пальнешь — всегда мясом разживешься. Маманино здоровье поправишь. Заодно излечится Аграфена от грустного печного лежания и задумчивости, насквозь отчаянной.

На пороховой заряд и дробненькие гвоздики свой расчет у мальчишки. Отдать единственный патрон — опять охотиться лишь за банными вениками.

Можно с иной стороны здесь глянуть. За тушку по-быстрому ухватишься, и что? Как раз прослынешь среди охотников, которые ходят в настоящих, истинно баловником и пустобрёхом. Лучше уж чтить неписанные дремные законы, так оно получается.

«Долгов в ракитниках наделал? Плати после всего подати! Уж будь любезен, коль ходишь в добытчиках, неотложно серьезных».

Убрав с лица ненужную хмурость, соображающий малец бросил на снег зайца, твердо заявил:

— Плачу, дедушко. У меня должок не зарастет мхом. Это я тебе говорю, Семен Столбов. Охотник из деревни Веретье.

Кое-кто из мужиков, ушедших на войну, любил выражаться, чтоб звучало в беседе уверенное: «Это я тебе говорю!» Разве трудно Семке взять и запомнить реченье? К случаю высказался по-взрослому. Потому как хотелось поосновательней выглядеть перед стариком и его работающей гончей.

Сказанное, видать, пришлось к месту. Особых споров не последовало. Владелец пестрой собаки поправил шапку, съехавшую на левое ухо, степенно огладил бороду.

— Значит, будем знакомы, Семен Столбов. Я вот промысловик также. Кличут меня Корнеем Проталовым. А проживаю подале отсюда, в деревне Каменка. Что, маловато в твоём Веретье людей-то?

Явно из тех стариков он был, которые в любой час не против побеседовать с понимающим человеком. Они всё больше дома обретаются да помалкивают, поскольку за прожитые годы хватило им бесед с домашними. Зато нисколько не устают вести речи с гостем, зашедшим на огонек.

У Масловых имелся свой долгожитель, у иных прочих в деревне тоже бывало

кого повстречаешь. Веретьевским мудрецам вот так любопытствовать — с пользой новый день прожить. Невредно, даже лестно. Уж что-что, а разговоры разговаривать с понимающим человеком им было очень приятно.

С какой стати Семке глядеться букой? Почему не оказать честь усталому деду-промысловнику? С готовностью длит серьезную беседливость, подробный держит ответ:

— Пусто стало, как раньше никогда не приключалось. А по какой причине? Многие подались в дальнее село. Некоторые насовсем в город переселились. Трое нас тут осталось.

Проявить пожелал приветливость, то бишь самолично преподнести хозяину пестрой собаки подстреленного зайца. За спину ружье закинул, нагнулся за тушкой. Добыча оказалась не вот вам достоверной добычей.

Косой дернулся, лапами болтанул, вскочил в испуге. Медлить перед парнишкой, клыкастыми собаками и бородатым стариком не стал. Порскнул в жутко загущенное ближайшее кустовище. Там пропал вмиг — только его и видели!

— Карай! — Семка в свою очередь замахал руками, подпрыгнул. — Держи его!

Тому послушаться в обязательную радость. Как бы там ранее ни случилось, а получить в награду заячьи лапки и почетно, и вкусно до полного собачьего довольства. Ответил согласным лаем, помчал вдогон за беглецом.

Также и безродная дедова гончая — следом унеслась.

Старому лесовику-добытчику не в диковинку было, что заяц решился порвать по второму кругу. Видал Корней всякие виды, порой совсем уж непривычные для дрема: их ему дело промысловое показывало.

Иной раз и не захочешь, ан чудес насмотришься среди сосен и елей под завязку. Так что не соскучишься, похаживая по скромно тихим опушкам, по сумрачно крутобоким оврагам.

У каждого зверя, к примеру, есть своя повадка. У любого охотничьего ружья опять же имеется норы. Чтоб в цель безотказно попасть, а когда и — в белый свет, как в копеечку.

Бывают до невозможности удивительные приключения, нечего тут скрывать. Верным станет также другое: сам охотник, коли гордости не лишен начисто, должен быть норовистым. Упрямо дотошливым в мастерстве и, как в обычности говорят, себе на уме. Поскольку без мозгов какая ж будет у него добычливость?

Об таковскую пору плодятся в дреме чудеса да чудесинки, ровно зайцы — в несчетном, стало быть, количестве. Разве от самого Корнея не уходили косые по второму кругу? Всяко ведь происходило, однако никогда он домой не поспешал. Напротив — дожимал добычу, чтоб со своей неглупой, хоть и безродной, гончей взять верх над увертливым косым.

Проталов бороду задумчиво поскреб, поинтересовался у парнишки:

— Дробь, что ли, у тебя мелкая? Похоже, попасть ты попал, утихомирил беляка. И всё ж таки последнюю точку не поставил. Всего лишь уложил его отдыхать.

— Зачем? Почему отдыхать?

— На время остановил выстрелом. Он у тебя полежал безо всяких чувств. Потом очнулся и дал деру. Давай покажь патрон!

У Семки глаза почти что на мокром месте. История объявилась неизъяснимая, неожиданная. И потому свалилось на веретьевского добытчика чувство прежде неведомое, оглушительное, по-бедовому аховое. Истинно обрушилась на парнишку беда.

Проказливо охотничье событие! Хитрая ловкость косого в наглядности велика!

Оказия случилась, может, не вовсе глупая, но виднелась в ней заячья усмешка. Оттого обида горькая, что полынь, прошла стрелка аж до самых до печенок.

— Смотрите свой, — закричал малолетний охотник. — У меня один в кармане. Он с порохом, а если другие какие, то их на погляд нет. Вы расковыряете заряд, и что мне тогда? Как идти завтра в лес?

— Потребно выяснить, откуда что взялось, в чем тут загвоздка. Лучше мне глянуть, сам знаешь.

— Загвоздки нет. Есть гвозди!

Дед, ни слова поперечного не говоря, расковырял плотно забитый пыж. У старого промысловика поднялись кустистые брови, глаза стали круглые, как у филина.

— Что это?

Семка, смущаясь, ответил:

— Объясню же. Гвоздики. Дробненькие. Ну... рубленные. Вместо дробы приспособил их.

Чудо с дремным хитрецом разъяснилось. Проталову многое в лесу было повидней, он и подсказал, как всё произошло. Маленькие располовиненные гвоздочки шкуру

пробить не смогли — плашмя приложились. Однако летели после выстрела густо, удар сильный получился. Ловчачу пришлось полежать до той счастливой поры, пока не собрался с духом, не оклемался и не удрал благополучно.

Вернув парнишке патрон с кожаным пыжом, вновь поставленным в нужное место, Корней рассудительно поведал:

— Не стоит тебе ходить на косога. Если только на малую птицу какую. В карман имеешь право сунуть вещичку пороховую сызнава. Пусть лежит до лучших времен.

Мальчишке радоваться вроде бы не с руки. Всё же настроение у него двинулось к лучшему. Хорошо, когда насмешливые беляки здесь не наблюдаются. Нет в сосняке шибко разворотливых особливцев. Посему вали добычу, сразу хватай и держи покрепче. Коль она пронырлива, то и будь сноровистым тако же.

Ничего, охоте не пришел конец. А что касаемо гвоздиков, они пока что свое последнее слово не сказали. Вот какая сделалась правда!

Дедок-промысловик дал Семке патрон с дробью насквозь свинцовой, и сотворился у них уговор. Тот получит косога, кто свалит его прочно, по-настоящему.

Первый, значит, пойдет туда, где поодаль от просеки стояли черные сиротинки-осинки.

Второй останется возле большущего кустовища, в узком ивняковом прогале, откуда беглец споро дунул по второму кругу.

Спорить с Проталовым веретьевский добытчик не порывался.

У Корнея выбранное место очень уж незавидное, каждому ясно. Порешил подмогнуть тому, кто младше?

Пусть будет так, коль в незавидном положении все те, которые остались в голодном дому: «Всё же кое-что соображаю. На проселок выскочит хитрец обязательно. В осинник заглядывать — ему какая нужда? Там, в голом редколесье, не укроешься от громкой погони. Петлять бесполезно, потому как поведет гончую глаз. Далеко видно, и оттого собачьему глазу непременно раздолье».

Гостинец проталовский и пригож по-новому, и до полной приятности свинцово тяжел, и надежен по всему дремному обычаю.

Поскольку в близких лесных деревнях, кроме простых, всем известных берданок, не водилось ничего более солидного, свободно пристроил Семка патрон старого Корнея. Нацелив ружье, стал поджидать верную добычу.

Она медлила, не очень спешила попасть на мушку.

Имел парнишка возможность вспомнить Аграфену, даже немного поулыбаться: отказался бы стоять у просеки — снова поднялась на печку. Принялась бы, как у нее заведено, поминать свою несчастную долю. Лучше б она что другое вспомнила. Судьбу кляни хоть на все корки, ей до бабки нипочем не добраться на тот предмет, чтоб угостить похлебкой с зайчатинной.

Когда Семка расстарается, зайвится с беляком, тогда и только тогда сварится духмяный суп с мясцом.

Боялся он промахнуться? Не без того, цена удачи больно велика.

Только ведь и другое будет верно. Не справиться, стреляя по верной цели, — самого себя винить потом. Проталова не станешь укорять: он без шуток выделил тебе лучшее место.

«Не должен я промазать! Какой-никакой навык уже есть. А придут добрые времена, в ту пору навешу дедка в Каменке. Чайку с ним попьем. Поговорим... как в обычности любят старики. Скажу ему спасибо».

Семен Столбов догадался: кое-кто ушел в редколесье неспроста. Туда косога, известно, калачом не заманишь. Опытному стрелку там стоять — быть совсем уж лишним для охоты».

Всё-таки нынче где промысловик? Видно его шапку среди осин? Ловко устроился, коль был трех на виду, и вот на тебе — исчез.

В сомненьях стоит, тревожно моргает мальчишка: куда подевался Проталов? Затем доходит до малолетнего охотника, что подался он туда, куда и беличья шапка.

Как есть неизвестно, за каким деревом спрятался дедок. И тебе, Семен Столбов, незачем выискивать трех в дали редколесья.

Поджидать добычу — нужда неотложная, всё прочее — безделица. Неужто желаешь в непеременинности залепить свинцовой дробью в белый свет, допустить глупую промашку?

Испуганно вспотевши, перевел взгляд в глубь просеки. Нет уж, сделается охотничья забота правильным образом. Как тому быть полагается для благополучия домашних. Он стрельнет и... промежду прочим ухватит судьбу Аграфены. Что называешь, поймает за длинные заячьи уши. Очень крепко станет держать. Радуйся, бабка! Плаши сегодня с ухватом в обнимку. Пришел твой праздник.

Беляка из дрема выгнал Карай, оставив где-то позади пеструю гончую. Всё бы

хорошо, а незадача была. Как ей не приключиться, когда завернул он беглеца в черноту осинника?

Проталову ничего не оставалось делать — глянул сбочь дерева, приметил уходящую в прыжке добычу, вскинул дробовик, уложил косога наповал. Виновато посмеиваясь, подошел к напарнику:

— Получили мы с тобой награду. Нет резона забывать наш уговор, однако...

Семка тоже кое-что припомнил, глядя на подбегавшую пеструю гончую. Был разговор о том, кто уважает взрослые дремные правила. Что же теперь, отказываться от всего? Вот и прослышешь пустобрехом!

— Хочу стать настоящим охотником. Потому ничего забывать не желаю.

— Ладно, коли так. Оставляю тебе справный патрон, — на том и расстался Корней с уговорщиком.

Жилье встретило возвернувшихся голубыми сугробами возле низких окошек. А также порошей на ступенях крылечка и тишиной заолоделых сеней. Распахнув дверь, Семка поскорей закричал:

— Бабуся! Не бойся, что я без добычи! Не пустой пришел домой!

Та пожевала губами, присмотрелась к ружейному парнишке.

— Как не так? Вовсе пустой!

Он прошествовал на середку избы, поставил на столешницу торчмя новый патрон. Немедленное последовало разъяснение: тут отличная свинцовая дробь. На все сто круглая, весомо тяжеленькая. Такая, что летит кучно, далеко и не имеет привычки давать спуску белякам.

— Поохотимся еще! Судьба у тебя, выходит, подходяще веселая. А ты жалишься, не любишь березовый суп. Мечтаешь об чем ином.

Аграфена приободрилась. Когда воспрянула немного духом, то через минуту позволила себе хихикнуть:

— Будто сам не мечтаешь.

— Твоя правда, — Семка поразмыслил над таковской мудростью и, с нелишними словами бабки согласившись, опустил на лавку подле окна. Дальше беседы беседовать ему уже не хотелось.

А та неуспокоенной оказалась — добавила в разговор толечку укоризны: веников ни капли в дому нет, с чего же теперь варить похлебку?

Если вознамерился мальчишка сказать старику правду... чтобы не думалось, будто Семка ничего не смыслил в охоте, то какое слово будет Аграфене? Что поведать старухе, коль о еде разговор?

Пользительно станет поддержать ее, наделить уверенностью здешнего добытчика, не пустого, ничуть не бестолкового.

Всенепременно возвыситься надобно, привстать с ласково ленивой, весьма усидчивой лавки и доложить свое решение.

Вот он поднялся, укрепился на усталых ногах, высказался твердо, с неколебимо упрямой потребностью:

— Второй веник найду по возможности. Это я тебе говорю, бабуся. Найду, потому что не все банные полки обшарил у Масловых. Где-нибудь наверняка завалился для нашего дома гостинчик. Народ веретьевский разве не любил мыться?

Та всплеснула руками от души — высоко. Ее удивление было и честным, и нисколько не притихшим:

— Как же ему не умаслить душеньку о субботних днях?! Завсегда старательные творились у нас помывочные дела. Только где он, соседский, справа и слева, народ на сей час?

Опять обозначилось у бабки подробное, довольно-таки неприятное и, даже сказать можно, колючее наблюдение.

Он, подумав, расстроился. Весь потерявшись, опустил на лавку. Затем, поразмыслив крепче прежнего, сизнова приподнялся:

— Пускай ты права. Народа, чтоб во множестве, справа и слева нет. Однако бани стоят пока что. Буду ходить и ходить. Не уйдет ни одна от меня. Таковская, значит, имеется для тебя правда!

Ей отступать всё ж таки не желается. Никак тут ждут дорогую минутку опять угнездиться рядом с подоконником? Напрасные мечтания, сполна пустопорожние.

Пусть бы охотник не прохлаждался. До вечера сбегать неплохо в гости к веникам. Принесет добычу — потом вольному воля. Хоть на лавке посиживай, хоть у стола, где хватает места для новой березовой похлебки.

С подковырочкой подступает Аграфена:

— Собираешься ворон считать у окна?

— До упора охочих где приметили счетчиков? — навстречу хмурится парнишка. — Возьму веревку, батин нож. И все тут дела!

Мать не преминула вступить за сына, который притомился, видно, изрядно. Из своего тихого угла совет выдала:

— А чего б не подождать немного?

Семка спешно расправляет плечи. Нисколько не задерживаются, идут обидительные речи, а только ему надобно выглядеть без дураков уверенным, небоязливым человеком. Старуха смотрится что-то слишком нервной. Того и гляди в сердцах полезет на печку да и застрянет там навсегда.

Стоит он перед ней, тянется вверх. Вот какой он молодец, охотник за банными венниками!

Кому-кому, однако ему достать угощение для домашних — раз плюнуть, так что пусть старуха верит Семке. Рано им всем на красные печные кирпичи укладываться и усыхать, будто они грибы-подберезовики или подосиновики.

Аграфена о чем порасспросит парнишку не против? О том, почему вместо зайца принес патрон из лесу. Вот и почала невеликого охотника пытать. Как там прыгучее зверье поживает, как перебивается в перелесках об зимнюю пору? Намекает ко всему прочему насчет гостей из дрема. Дескать, за ельниками не одни лишь сосеночки стоят, поодаль водятся также поселения, которые не все безлюдные. Может, кое-кто мечтает навестить Веретье?

Себе на уме бабка, но и Семка не льком шит. Цепляется она, вишь, на манер неотступного репья, что не ко времени. Есть у него решение побережь покой в нервах старушки, и незачем тогда обсуждать все промысловые незадачи. Когда добыча на мушке, а потом вдруг улепетьвается, то разочарований выше головы, и все они до чертиков обидные.

Бродит стрелок туда-сюда по избе, отговорочки разговаривает:

— В сосняках, бабуся, встречи случаются разные. Сегодня повидеешь Снегурочку. Завтра — лешего. Это запросто, сама сказывала.

Глядит на парнишку Аграфена, и желательно ей приструнить хитромудрого беседчика. Если б она взялась развлекать малолетних сказками — еще куда ни шло. Но уж коли блазнится охотнику толковать о Снегурочке, о бедовом каком лешем, пусть выметается поскорей из дому. Нечего кормить ее всякими небывальщинами! Она сама знает в них толк.

Когда ведает что почем, то самая здесь та минута, чтобы Семке отправляться в поход за пропитанием.

— Иди к соседям, досужий сказочник.

Он и рад, что Аграфена выговоры выговаривает, отвязывается усердно. Мысль у него простая: призадуматься, поди, с нынешним голодным народом. Правду молвить той же бабке для веретьевского добытчика тяжело, нет упористого желания. А зубы ей заговаривать и того тяжелее.

Пошагал Семка на банный промысел, как было велено старушкой, что себе на уме. И там, и сям видит высокие завалы. С начала февральских выюг выросли они вдоль по деревне. Чуть от дома отойдешь — ни тропки, ни следа, только поземка норовит гулять по синей снежной целине.

Сугробы налились колючим холодом, истинно что студеной синевою. Лазать по ним не чай распивать с кусочком сахара. Не зевай, жди — потеряешь один или другой черный валенок. Прыгай после всего голоногим недотепой по завьюженным огородам.

Каждый из норовистых валиков-волн рад случаю пощипать босые пятки путешественника. Бр-р, до чего холоден предвечерний синий снег!

Ввалился мальчишка в предбанник, беспрекословно выстуженный прошлыми пургами, осмотрелся. Еды здесь не было. Нет как нет — хоть из березовых веток, хоть из можжевельных — веника ни единого!

Делать нечего, он двинулся по синей целине дальше, навещал и Масловскую баню, и другие, которые по соседству располагались. Удача к нему не спешила, не летела скорым соколом. Так и ходил, придерживая низкие черные валенки руками, чтоб невзначай не затерялись в метельных волнах.

Через февральские завалы перебираться — маяга одна. Устал Семка, через полтора часа упарился, ровно и впрямь побывал в парилке. Всё ж таки своего отчаянного намерения не утерял, домогался веников по всему порядку веретьевских, что за огородами, бань.

Вечеру, уже потерявши все надежды на березово чудесные палочки-выручалочки, набрел на отдаленный банный полоч. В уголке нашел ничуть не тощий веник, никем до сей поры не востребованный. С ним и возвернулся.

— Бабуся! Мое слово, глянь, верное. Есть для тебя вкусная добыча. Хоть водили меня тамошние домовые долго. И уж так ретиво!

— Не было разговора, что по душе твой листовый суп. И про домовых лучше не надо. Сейчас давай зеленую сухень в чугунок ронять. Мать-то ведь давно кипятку

наварила.

Незловиво старуха ворчала, и Семка не вступал в споры с ней.

Если не пустился в беседу про поход по синим снегам, то причину зачем изъяснять? Все бани обошел, одну за другой обшарил заолоделые полки. Денька два будет домашним супец.

Потом... выручай, ружье! Спасайте, патроны!

Иной подмоги откуда ждать?

Совсем стемнело, когда поужинали и всем семейством, не шибко насытившимся, наладились отдыхать.

Упорно Семка помалкивал, не желая расстраивать бабку и мать. Имея точное суждение: раз он добытчик, по-разному должен заботиться о семье. Именно что всяко.

Вот ведь невеликим охотником был мальчишка. Однако уже всякое ведал. Шла война... надо было многое понимать.

Глава 7. КАРАЙ

Так случилось: поутру не встал Карай. Не откликнулся на призывный Семкин голос.

Надобно идти на охоту, напротив, пес не шевелится, лежит. Что за новости? Мальчишка тормозит собаку, ан всё без толку.

Ноги подгибаются, ни в какую не держат друга. Карай опускается, как только поднимешь его — ложится вновь на живот, кладет морду на лапы и грустно глядит снизу вверх на Семку. Прости, невмочь даже хвостом повилать. Слабость, вишь, одолела. Кое-кто вениками подкрепляется, а кое-кому на дух не нужны березовые палочки-выручалочки. Раз нет собаке мяса, как же ей бегать за косыми? Вчера и позавчера исправно по дрему носилась, сегодня обезножила, и корить ее не след. Лучше дайте погрызть косточку!

— Нечего тебе дать, Караюшко! — губы Семкины задрожали.

Слезинка упала с его щеки на собачью шерсть.

Пес вздохнул, отвернулся. Дескать, слезами горю не поможешь.

— Ну такя пойду? Еды, авось, раздобуду, — присел парнишка, погладил ослабевшего помощника, потом выпрямился: пора шагать из дому прочь.

Два патрона были в кармане у него. Знал добытчик, что без гончей охотиться неспособно. Но всё ж таки два заряда... один с гвоздиками, выгашенными из стеной фотографической рамочки... другой с отменной свинцовой дробью... если ружейными припасами толково распорядиться...

Корнеева наука мимо не пролетит беспечально равнодушной тучкой. Будет отныне Семка и по мере внимательным, и по надобе осторожным.

Уши станет держать на макушке, заодно глаз наострит. Именно так, чтоб взять на мушку любую цель — побегу в крушиннике беляк, полети в сосняке глухарь.

Зимний дрем не должен держать зуб на мальчишку. Птичьих гнезд никто здесь не разорял потехи ради. Зазря нынешний веретьевский охотник не палил из берданы куда попало.

Ветки в бору ломал? Ну, правда. Случалось по начальному февралю, ходил он за сосновыми лапами. Но ведь нужно было поставить мать на ноги. Хвойные горячие настои сотворяла бабка из той пахучей зеленой добычи. Кто ж корит за неотложно целительные походы за околицу? По баловству какому — чтоб костерок запалить или для глупого пустыка — никогда он ветки не крушил, топориком не рубил.

Сегодня пойдет на охоту без упористо быстрой собаки, а добычу полагается взять все едино. Дрем дичью полон. Ну, и чего ему по-доброму не поделиться малой толикой своего богатства?

Прежде чем уйти, Семка бросил взгляд в плешку друга. Есть хоть вода у пса? Миска пуста, непорядок! Но тут хлопнула дверь. Вышла мать, принесла ковшик. Из него плеснула в собачью посудину:

— Бедный! Покормить тебя не удастся. Не обессудь. А теплой воды нам не жалко.

Семка охотно поддержал ее:

— Пей сколько влезет. Только поднимайся поскорей. Встань крепче на спорые лапы.

Карай нехотя похлебал, поглядывая на веретьевского добытчика: «Я бы со всем удовольствием. Если б дали мяса куснуть. Так что будьте уверены, снова стану гонять косых. Всем известно, у меня к таковскому делу всегда лежала душа. Клянусь, непременно поднимусь, когда вернется стрелок не пустой, а с беляком».

Мать, указав ковшиком на пса, толкнула сына в бок:

— Понял, молодой хозяин Семен Столбов?

— Чего ж не понять? — он деловито закинул берданку за спину.

Ждали его опушки, на которых изобильно сегодня всяческих следов. Надо не задерживаться боле, брать лыжи да торить тропу за околицу.

О собаке они, конечно, позаботятся. Свою долю Карай получит: заячьи лапки или что другое. Всё так станется, как если бы обезноживший друг сослужил безотказно свою гончую службу. На сей счет — слово ружейного добытчика!

Последние дни погоды стояли приличные. Морозы не шибко лютовали. Вьюги — сплошь обычные по февралю — обходили деревню дальней стороной. Казалось бы, все лесные звериные тропы не спешили прятаться под снежной порошей, и ходи теперь вольно по борам и логам, коль есть нужда. Промышляй и птицу, и четырехногую какую дичь. Тебе нет метельных препон, когда в уши стремится плотный свист, а глаза так снегом залепляет, что ни зги не видать. Охотиться вполне дозволяется аккуратной погодкой, вот если б еще удачи немного лыжному стрелку.

Нежарко зимнее солнце, однако светит усердно, без обмера. Как на ладони перед мальчишкой встречные опушки со всеми их потаенными уголками. Шебуршатся в кустах косые, да вот беда — близко не подпускают к себе, убегают. Догони поди прыгучих грызунов, которым вынь да положь поглотить ивовые ветки.

Хороши у добытчика лыжи — ране самолично сработал их батя из распаренных дощечек — всё же не гончий Семка старатель, чтобы за шустрой добычей носиться борзо. Не возмечтаешь сегодня о беготне, надобно вести себя тихохонько. Так незаметно, чтоб подкрасться и сделать меткий выстрел.

Поглядывает охотник на мелких птах: красавистых снегирей, шустрых клестов. Жалко тратить порох на порхающих летунов. Разнесет дробь юркую-то пичугу на маковые росинки. Их всё едино до кучки не собрать. Выходит, достанутся они глазастым совам. Те углядят нечаянные перышки под лесным пологом даже об ночную пору. Не промысливал парнишка подкармливать разных тут ворон да сов. Пусть сами добывают себе февральское пропитание. Нет сомнения, справятся расторопно. Точно тем макарком, каким завсегда сумеют.

Глухаря встретить — вот что нелишне. Как раз будет чего поесть голодным ртам в деревне. Иная птица станет поувесистой бяляка.

Глава 8. ОБЕДЕННЫЙ СТОЛ

Один ложка миновал веретьевский лыжник — пусто на деревьях. Затем другой от края на край как есть обошел и не углядел ничего к случаю интересного. Куда же глухари попрятались?!

Ход поуменьшил, стал размышлять. Может, зря он усердно здесь бродит, роняя с веток иней. Пробирается через густегу — много шуму сотворять. Лучше, когда присядешь под кусток да подождешь, чтоб прилетели покормиться эти птицы, завидно большущие, именно что увесистые. Получится, пожалуй, неплохо: им ведь здесь и стол обильный, и свиданка с какими сородичами.

Затаился мальчишка в ложке. Сидел в сугробе, пока не замерз.

Не дождался добычи — глухари, как прознали, место подале облюбовали для столования. С ними не поспоришь, их не приманишь, надо идти куда-нибудь в иной сосновый край. Если мерзнуть, то нет никакого резона, когда гости дорогие не спешат присесть к твоему кусту.

Ищи, охотник, удачное место! А то ведь уйдешь из леса ни с чем.

Не жалел Семка ног, заглядывал даже в урочища, совсем не близкие и торовато сумрачные. Шел за часом час, удача накрепко спала. Будто какая-то злая рука отводила в сторону солидную добычу, подсовывая одних лишь мелких пичуг.

Бродил не без мыслей, и текли они, вестимо, грустно: «Что ж ты, родной дрём, водишь меня за нос? Плохого не видел от меня, это по-честному. Допустим, погодки масловские любили поиграть с огнем. Всё ж таки не было у меня баловства со спичками: ни в осиннике, ни в крушиннике. А почему? По той причине, что знал от бати, как шибко, неостановимо пламя бежит по сухостою. От пожара лесу — только беда. Если уж доводилось мне печь картоху, то на задворках, за сараем. Бабка Аграфена будет готова подтвердить. Она брала ту золу, таскала себе в огород, сыпала на морковную грядку. Не понимаю, почему теперь нет для меня цели, чтоб добычливо стрельнуть. Батя, бывало, после охоты называл дрём кормильцем. Дескать, один человек гордится черноземом. Другой доволен золотом в горах, а мы, вологодские, своему лесу благодарны, дает он достаток в дом. Нынче единственно, что надобно мне, — накормить бабу и мать. Неплохо бы также Караю дать кой-чего погрызть. Дрем, голубчик! Подведи глухаря на выстрел. Что тебе стоит?»

Вспомнил, промяная лыжами снег в ложках, про березы, что росли на краю заброшенного картофельного поля. Что говорил о тех деревьях батя? Там в хорошую погоду тетерева должны посиживать на высоких ветках. Худо-бедно побрел туда, где

искрилась полевая пороша и гулял невстревоженно ветерок.

В ту дорогу лыжехода затомившегося провожали стройные сосны опушки. Держали они в зеленых лапах белые толстые лепехи. На погляд заманчиво красивые. Однако не спеши, голодный мальчишка, поднести ко рту пышные лепешки — не наешься, нет. Поглядывая на них, к веткам не протягивал он руки. Шел себе дальше, и тянулся за ним, не увивал в сторону ровный лыжный след.

При ясном небе тихо было с краю леса. Будто сонная одурь напала на деревья. Лишь иногда откуда-то доносился невидимый тайный шорох. То ли белка пробежала по молчаливым кронам, то ли мышка прошмыгнула в сугробе.

«Насчет тетерева если, сойдет он для похлебки. Пусть не столь крупная птица, как глухарь, но сегодня — один, завтра — другой. Надо мне показать, что не лыком шит. Тогда дрём проявит свою доброту, разве иначе бывает?»

Березы на опушке сияли в полуденных лучах солнца. Видны были издали — светились, ровно свечки, зажженные перед стеной соснового дрёма. И довольно хорошо примечались какие-то неясные темноватые наросты на скелетных сучьях.

— Да ведь то сидят тетерева! — чуть не в голос ахнул Семка.

Живо скинул свои широкие снегоступы, плашмя бухнулся в сугроб. Там побарахтался, переворачиваясь со спины побыстрее на живот. Да с боку на бок. Так-то знатно выбелился, что и валенки, и телогрейка, и шапка незамедлительно опушились бархатным инеем.

Пополз споро вперед, к белокорым стволам. Сам себя мысленно подбадривает: «Сейчас достану вас, березовые сидельцы. Небось, не углядеть вам, что за холмик снеговой двигается поперек полянки».

Была у него своя правда. Как раз такая — в дреме сугробы отродясь не ползали. Если шевелились когда, то по причине мелкой поземки.

На сей пустой пустяк хитрым особам, что устроились отдыхать высоко над землей, и смотреть нечего. Подумаешь, диковинка! Ястреб не подкрался бы — вот чего стоит опасаться. Тот любит броситься сверху, пустить в ход когти. Сцапает тебя за милую душу, коли не станешь на глубокое поднебесье посматривать, забудешь сторожиться опасно.

Сидят две крупные птицы рядышком. На крепком суку. Глядят они, конечно, туда — вдаль, где готов закружить над дремом острокрылый враг. Им дела нет до ружья, что торчит из сугроба бессильным черным сучком.

Здесь и жажнул свинцовой дробью вороненый ствол.

Березовые ветки задрожали, осыпались серебряными блестками.

Легкая метель взвилась над притихшей было землей.

Ястребом эхо метнулось с края на край поляны.

Тетерева... они и не думали улетать. Даже не шелохнулись. Очень им, понимаете ли, нравилось засматриваться на бирюзовые дремные дали.

Не стал охотник мешкать, у него в запасе был патрон с дробненькими железными хвоянками. Ну-ка, гвоздики, поспешайте говорить свое колючее слово толстобоким тетерям!

Берданке чего спотыкаться на ровном месте? Она, хоть ствол тяжеловат, послушна до полной исправности — мигом полыхнула огнём.

На сей раз громыхнуло на полянке потише. Может, пороху оказалось поменьше в припасе, снаряженном самим веретьевским стрелком. А скорее всего — тонюсенькие железки были полегче свинцовой заправки деда Корнея.

Снова завьюжило в березовых кронах. Тамошних сидельцев на какое-то время стало хуже видно.

Семка протер глаза: ему не верилось, что тетерева, словно заколдованные, продолжали держаться, ничуть не желали падать вниз.

Два случились выстрела, и оба оказались никчемными. Впустую програмыхало безотказное ружье.

Вскочил добытчик, закричал что было сил. И что же приключилось? Нахальные птицы не спешили смотреть в его сторону. Будто бы заранее ведали: придет сюда из мазил мазила, пальнет два раза, покричит сторяча и уйдет несолоно хлебавши.

Семка стряхнул с шапки легкую снежную опушку.

Вдруг вспомнились ему бедующие домашние. Касательно какого мясца, теперь ничем не сумеет он помочь им.

Вот мать сидит у окошка. У нее такие худые руки! С печки бабка глядит укоризненно проваленными глазами. Карай в подклети горюет. У всех одинаковые мысли: как же сумел ты промахнуться, добытчик дорогой?!

Мальчишка выронил ружье, опустился на колени и заплакал. В голос. Нисколько не стесняясь этих упрямых, страшно хитрых тетеревов.

Глава 9. БЕЗ ПТИЧЬЕГО КОРМА?

— Это что за штуки в морозном дрему?! Жарит кое-кто по моим чучелкам и знать ничего не желает! — из недалеких кустов показался рассерженный Проталов.

Его беличий треух до того спокойно посиживал на лысой горке, а тут поехал на затылок. Как не двинуться в уход, когда дед, торопя лыжи, задрал голову и выставил вперед бородку?

Корней, придерживая шапку, обеспокоенно глядел: целы на березе деревянные птицы? Жаль будет, если патронные заряды выбеленного добытчика посекут раскрашенные чурки. Старый охотник считал себя вправе досадовать. Здесь неделю корпишь над подманками, и что? Какой-нибудь аховый стрелок объявится, сделает укорот твоим красивым чучелкам — головы им отшибет. Мастери потом новые.

— Ходят, бродят слепые слепцы! — гремел Корней. — Палят куда ни попадя!

— Прости, дедушко. Не случилось догадки, что тетерева нисколь не летающие, — вытирал слезы мальчишка.

— Ты прости его, — продолжал ворчать Проталов, — а потом что делать?

Сердитого грохота стало поменьше в речах стрелка из деревни Каменка. Семка учуял подвижку в настроении знаконца, не стал терять притихшей минутки, заторопился пообещать:

— Я больше не буду.

— Он тебе птиц распугает, а ты, значит, помилуй многошумного лесного ходока. Ладно, прощаю на первый чучелкин раз. Только имей соображение: Корней многих кормит. Сидят на шее еще две семьи. В Каменке у меня хватает соседей, что остались без кормильцев. Не шутка, поди, когда через день людям не хватает еды.

— У меня тоже, — пробормотал веретьевский неудачник.

— Что еще? Какое тоже?

Парнишка, отворачиваясь, скривил губы, снял варежку. Ладонью провел по мокрым ресницам:

— Голодают дома.

Подходяще к моменту дед стих: не нашел у себя нового желания поднимать голос, запал весь прошел. Молча придвинулся к завьюжено белокорым стволам, в уме прикинул кое-что. Вывод сделал вполне утешительный — крашенные поделки пострадали от дрови, но факт, что головы у них остались на месте. Для подманки упористые сосновые чурки вполне годились. Если только завтра подмазать немножко.

Разговор можно завершить, и Корней беззлобно покряхтел в сторону парнишки:

— Вот что. Иди отсюда. Не крутись под ногами.

Семка жалобно попросил:

— Может, дашь патрон? Ни одного не осталось у меня. Расход, дедушко, вышел крупный.

Забираясь в крушинник снова, Проталов ответил неожиданно сурово:

— Не рассчитывал на тебя.

Веретьевский лыжеход понял, что говорить с мастером-лесовиком, изобретательно чучельным, больше не о чем. Для Корнея охота должна продолжиться. Для неловкого стрелка она получает как есть полное завершение. На все остаточные зимние дни.

Надейся, нерасторопный добытчик, лишь на весну. Когда-нибудь придет она, потянутся в рост стебли сочных трав. Это уж точнее точного. Скорей бы растаяли метельные заструги в поле!

Семка торил к дому тропку через синие валки дремных опушек, досууже размышлял: «Тетерева, понять надо, не спешат голодать. Февраль не февраль — трескают березовые почки за милу душу. Мне тоже отступать не годится. Почему бы не разжиться нынче птичьим кормом? Перебьемся как-нибудь».

У Масловской избы возле развесистой березы остановился, наломал ворох веток. Вплоть до позднего вечера он лушил их. Отколупывал почки, которые все, как на подбор, оказались и прилично твердыми, и не шибко большими. Если что напоминали, то малюсенькие просяные зернышки.

Ближе к темноте набрал полчашки, заварил кипятком добытое птичье добро, а ветки вытащил из дома, бросил в снег на задворках.

Хлопотал по хозяйству неотступно, поскольку чередой шли озабоченные догадки: «Не станешь ведь прямо у ступенек городить мусорные кучи. Ты стараешься, ан выйдет некрасиво. Мать поутру глянет — не одобрит. Она, хоть не сахар житье теперешнее, любит, чтобы в избе стояла заметная чистота. Чтоб не валялось под окнами лишнее. Сейчас она легла спать, а завтра встанет, и будет от нее выговор, когда тут плохо распорядятся оголившимися ветками».

Покончив с уборкой, постоял у крыльца.

Было к позднему часу довольно темно. Морозное посуровевшее небо низко нависло

над двускатной крышей. Фиолетовые тени плотно легли на мягкие пушистые наносы возле дома. Так плотно, что казалось — никогда уже сугробы не станут ни красными, ни зелеными, ни синими.

Чудилось: слишком усердно окутал морозный мрак по-грустному притихшие стены деревенских строений, и навсегда теперь останется здешний снег фиолетовым. Что приключится тогда? Как раз это — Веретье потихоньку сомлеет в студеной тишине, умрет отныне. Никто не узнает, что бездураков Семка гонялся за обнаглевшими косыми. Ой, до чего же хочется еще разок сбегать в дрем, да ружейных припасов не осталось ни хвоинки!

В животе у него отчаянно забурчали разваренные березовые почки. Нахмурившись, затянул потуже ремень. Давай там не торопись наигрывать, деревянная музыка.

Несогласный был с навалившейся горестью, оттого взял и заявил в сумрак:

— Не стоит мне печалиться. Утро вечера мудренее. Тьма ночная, не вот тебе она вечная. Дудки!

Хотел было открыть дверь, вернуться в домашнее тепло, да надоумило его — оглянулся.

Что за внезапная оказия? Минуту назад гляделся фиолетовым снег в деревне, теперь же обернулся повсеместно черным. Видать, зимнему небу не лень игры играть среди уличных широких заструг. Ну и пусть себе!

Наступившая глухая ночь не испугала мальчишку. Коль решил не бояться всяких здесь неожиданных красок, то и хорошо. Ни одной печалинки не удалось прицепиться к Семке.

Он хлопнул дверью назло припоздало темному часу. И — был таков.

А та угольная чернота, что приползла в Веретье, поглядела на ряд заколоченных избяных окон, затем охотно разлеглась на задворках. Там отдыhalось ей поуютней. Небось, дотумкала: мальчишка тот храбрый оказался. Соседские ребята... где они об эту холодную февральскую пору? Некого в деревне пугать, нагонять тоску не на кого. Вот на заре и убралась она в сумрачные урочища дрема.

Семка встал пораньше домашних. Принес дров, растопил печь. Приготовил завтрак, где хватало лишь питья с разваренными березовыми почками.

Когда позавтракали, стало понятно: еда оказалась по-свежему душистой, но горьковатой, не очень-то аппетитной. Маловато прибавилось бодрости у матери и бабки. Неудивительно, что им вскоре пожелалось греться на печи.

Глава 10. БЕРЕЗОВЫЕ ПОЧКИ

Забрались, вскорости задремали там. Ведь когда спишь, сил меньше теряешь и есть не так хочется. К слову сказать, Семке тоже нашлось угретое местечко возле выбеленной кирпичной стены.

Вторично проснулся в час поздний, уже под вечер.

Фиолетовый снег спешил заглядывать в затуманенные стекла. Видно, опять возмечталось ему навести грусть-тоску на голодного веретьевского добытчика.

Аграфена понесла Караю теплой воды.

Семка отошел от окна, увидел забытую ветку в темном уголке, принялся лущить ее по-прежнему — вчерашнему — распорядку. Занятие не из самых приятных, однако необходимое оно, коль гонит прочь мыслительные обиды касательно неуступчивых глухарей и хитрых беляков.

Почки отколупывать полезно, когда не пропадает нужда что-то поесть. Иначе домашним другой раз на печку не забраться: сил не останется.

Вдруг за стеной — ведерный грохот, шумливый крик о чудной чудности. Дверь заполошно запахивается, входит бабка при полной ошеломленности в глазах. В руках у нее... трудно поверить: ковшик впопыхах уронила, но зато принесла заячью тушку.

— Твоя работа? — подступила к Семке. — Что же ты молчал, батюшка? Дай поцелую, кормилец наш дорогой!

Приключилась истинно что незадача хоть для пронзительно громкой старушки, хоть для мальчишки, вмиг растерявшего все толковые слова. Пятился он пятился, однако сумел не промахнуться — довольно точно сесть на лавку:

— Не знаю ничего.

Бабка вытягивает губы в трубочку, тянется к нему, крепко держа мясной припас, которого хватит голодающим не только на ужин. Не иначе, как дня на два со всеми завтраками и обедами.

— Не надо меня целовать! Чего пристааете? — хмурится парнишка.

Аграфена при недомыслии, всклень разлившимся в голове, глядит на опешившего юного охотника: похоже, тот не лукавит. Вид у него досточтимо честный — как есть

ошарашенный.

Препираться не приходится, поскольку ничего-то не понимает стрелок, а лишь круглыми глазами таращится на увесисто солидную тушку.

Остается бабке кое-что сообразить. Вот она поразмыслила, ахнула и пошла рассказывать семейству:

— Снегурочка! Она заметила мальчишку в лесу. Решила сделать деревенскому народу подарок. Небось, была подбористая девонька. В шубке меховой и с русой косой до пояса. Видел ее? Признавайся, берданочный охотник.

Отчаянно вспотел малолетний добытчик. Пышет от него не вот вам полножарким пламенем — как раз полным недоверием. Бабка шутит над ним. Какую чепуховину придумала!

— Подбористая девчонка притащила косога из леса?

Подходит к матери, дергает ее за руку:

— Ты скажи ей. Нет никаких там...

На секунду Аграфена примолкла. Не бойчит боле, не подсказывает назревшую историю про Снегурочку. Конечно, сказку поведать может и сама. Хоть две, три, а хоть и сотню. Не очень-то верит в них, да с парнишкой здесь непростой случай. Потому хочется понятности прям-таки до невозможности.

Мать тут как тут, говорит свое слово — не так чтобы готова спорить с растерянным сыном, однако нет также намерения давать укорот бабке. Посему пустилась в догадки:

— Гляди, сынок! Придет новый день, и никакого сытного завтрака не выдать. При нашей голодухе запросто вспомнить про стародавние чудные дела зимней помощницы. Коль есть теперь мясной запасец, пусть Аграфена благодарит хотя бы и Снегурочку.

Он только рад материнскому слову, с видимой охотой соглашается:

— Вот и я полагаю, что нет...

Старушке желательно доказывать правоту. В заполошной суетливости шарит по карманам своей одежды, перебивает мальчишку:

— В старину особо чтили дела, когда они шли сельскому народу на пользу. Потому и рассказывали про добрую Снегурочку. Может, я с девочкой заторопилась. Не ружейный стрелок она, это правда. Тогда что выходит? Приходил к нам леший, прознавший про веретьевскую нужду. Ты, батюшка Семка, что надьсь докладывал? Патрон подарили тебе в лесу. Раз так, посмотри-ка: тушка висела возле двери на гвоздике, а с ней рядом было вот что.

Аграфена показывает патрон, обвязанный тонкой веревочкой из льняной кудели.

История с порохowymi зарядами ведома всем в доме. Никто не стал в торопком усердии разуверять добычливую старушку, а та в свою очередь заторопилась. Пошла рассказывать про себя:

— Грешным делом, не поверила прошлый раз. И обмишулилась старая старуха. Сейчас вижу, что без лесовика у нас не обошлось. Семка, не смолчи. Тот каков из себя? Махонький, борода аж до самой земли, в волосьях запутались еловые шишки, а зипунок берестяной, да?

Веретьевскому охотнику приспела надоба ответить в крайней точности. Уж коли Снегурочка в помощники не сгодилась, то лешему той радости не видать тако же. Поскольку дремные случаи говорят о другом.

— Не путай меня, бабуся! — закричал парнишка. — Проталов из Каменки в тамошний раз дал мне патрон. Потому что взял бялка не совсем по правилам. Когда вышло такое, ничего делать ему не оставалось, как рассчитаться со мной.

Подскочил к старухе Семка, борзо схватил снаряженный патрон.

— Корней принес. Всё без ошибки. Я вчера с ним виделся, просил еще один, однако дед не расщедрился: на тебя, мол, не рассчитывал. Сегодня удача у него приключилась, вот решил поделиться.

Не пришлось к месту сноровка Аграфены касательно чудных стародавностей, ну и что расстраиваться? Пусть остаются в сторонке хоть добротворные девоньки, хоть какие пользительно пронирыливые кикиморы. В хозяйстве ране обходились без лесного рода помощников, на диво способных и на особицу волшебных.

Мать не промедлила поутишить горячих беседчиков:

— Леший не объявился, так и не очень стосковались.

Бабка при мирном обороте нынче какая? Бесспорно расположенная, как есть готовая не скучать о госте в берестяном зипуне.

Однако то, что Проталов ни с чем оставил вчера батюшку Семку, задело ее всё же таки. Зацепочка нешуточно — ох, погодьте здесь! — заставила возмутиться Аграфену. Почала старушка ругаться в стенку, где в сенях до последней минуты висели гостинцы:

— Ах, они сивая борода! Разбойник! Когда просят у него, так занятой наотрез. Потом не стыдится пополудни к спящей избе заявиться. Втихаря у нас гвоздь занимает подареньями.

Глава 11. ЗАЯЧЬИ ЛАПКИ

И понесло ее строгую речь говорить, поскольку знавала Проталова еще в те времена, когда ходила в молодках. Чем отличился он? Не видно было, что хотел замечать веретьевских. Молчун этакий! Слова не дождешься от него. Вот вдругорядь заявится Корней — тогда она его отчитает, черта лешего!

Насилу мальчишка с матерью успокоили ту веретьевскую молодицу, что нынче ходит в бабках и любит погреть косточки на печи. В конце концов дед и вправду не ждал встречи с лыжным охотником Семкой возле деревянных тетеревов. Сегодня пришел для всех негаданно? Не разбудил избу, сморенную сном нечаянным? Так ведь имел право пожалеть изголодавшихся, коль не услышали неожиданного прихода.

И был в дому праздник — наварили в уемистом чугушке мяса, не забыв угостить ребристыми косточками Карая. С большим одобрением принял он также заячьи лапки: вкус у них много способней, не в пример лучше березовых почек. Когда поел, похлебал теплой водички, то с утра был уже на ногах и скулил нетерпеливо. Весь вид его говорил: не пора ли нам, юный хозяин Семка, прогуляться в дрем? Туда, где косые до невиданности обнаглели?

Тот не стал задирать нос, а порешил не чиниться — быстренько собрался, пошел на проселок, где широкие валки теснились искриться на солнце. Там, не отходя от деревни далеко, безо всяких разговоров уложил беляка.

Аграфена, увидев мальчишку с добычей, аж плеснула руками в замороженности. С лица морщинки сбегли: не стану я боле ругать молчуна Корнея, отныне разрешается ему приносить патронные припасы для меткого веретьевского берданочника.

Тем временем зимний февраль сменился весенним месяцем. Перестали постреливать обмороженные деревья в просветлевшем сосняке. В марте заметно потеплело, хотя по ночам еще подмораживало при студенном усердии сиверка.

С мясным запасом жить было — слов же нет! — веселее. Понадежней всем глядится в те майские, те зелено травные дали. Оно и верно: не переводится пока что сыть на столешнице, хорошо пахнет наваристой похлебкой.

Однако не приходил уже никто из Каменки, посему хочется вам либо не хочется, только вскорости явилось ожидаемое.

Через приличную толику времени пришлось обеденному столу в избе, единственно жилой по мерке веретьевской, грустно куковать. То бишь пустовать в суровой наглядности.

Знай пирует бесстыжая пустота. И вот сызнава нахальная тоска принимается принимать парнишку.

Тут вдобавок бабка печалей поддает: еще не сегодня сбудется, а завтра уже в неотменности свершится.

— Есть у меня чувство. Спросите, какое? Не другое оно. Именно, что класть мне с матерью зубы на полку.

Вступать в разговоры с Аграфеной без толку. Беспатронный стрелок делает вид, что не слышит бурчанья. При всем том поглядывает за окно. Там начинает подтаивать полегоньку снег. С углов крыши тяжело свисают льдистые сосульки. Такие они ядреные, соблазнительно хрустящие! Известно, грызть их — одно удовольствие.

Не утерпел, вышел на крыльцо, чтоб послушать звон капели.

Пес озаботился подде пристроиться. Трется мордой об валенки парнишки, скучает: сосульки тебе, молодой хозяин, в обычное весеннее довольство, и догадаться об том нетрудно. А мне охота увидеть дрем. Если вздумаешь совать под нос льдышки, то прыгай от счастья сам. Люблю одни лишь заячьи лапки. Когда пойдём гонять косых?

— Карай, не суетись! Нет у нас ни пороха, ни свинца.

Похаживает Семка вокруг дома, без пренебрежительности похрустывает сосульками: «Ну что здесь поделывать? Видно, опять мне рачительная дорога напрямик к Масловской березе».

Она стояла уже сбросившей густегу инея, понурой, изрядно добытчиком потрепанной. Пришлось нацеленно вверх лезть, что стало не таким уж простым делом. Попытеть нужно в неотложной старательности. Он — куда денешься? — упрямо поднимался к вершине, уклонялся от острых сучков и пыхтел, как полагалось.

Лучше, что ли, идти на дальнее поле к сарафанистым красавицам, где в феврале палил по чучелкам? Несомненно белокорые высятся они в неблизкой стороне — у черта на куличках! Бабка сказывала, на тех куличках по весне могли объявиться хоть лисы, хоть волки, чтоб поживиться какой задумчивой тетеркой.

Когда ружья нет при тебе, знай дружи с деревенской, по-соседски милостивой, березой. Пусть даже слишком высоко задирает она уцелевшие ветки.

Через полтора упористых часа возвращается он с богатой добычей. Немало успел

наломать сучьев, темных от обилия влаги, и чертят они по талому снегу извилистые дорожки.

Хлопотливая Аграфена ждет его у дома: к нам пришла в гости Снегурочка, веришь?

— Верю, — быстро и в лад говорит он. — Подбористая девонька. В шубке заячьей. С косой до пояса. В ту минуту сидел на березе, приметил, что на санях она проезжала.

Мальчишка всю шутил, а зачем ему принужденно киснуть? Раз бабка вздумала повеселиться малость, он тоже не дурак.

— На санях, батюшка, или нет, — вдруг посерьезнела старушка, — но тебя желает взять с собой в лес, что ни есть самый урманный.

Глава 12. О ЧЕМ ДУМАЕТ ДРЁМ

Парнишка немешкотно вваливается в сени, там бросает под бревенчато высокую стену все ветки, в деловой заинтересованности дергает дверную ручку. Что видит в жарко прогретой комнате?

У печки невозмутимо сидит Проталов. Сивую бородку задрал. Шею с удовольствием почесывает. Хорошо ему здесь после долгого пути из Каменки — знатно угрелся.

— Здравствуйте вам! — вырвалось у Семки, не ждавшего таковых, по-новому нечаянных чудес.

— И ты здравствуй! — отвечает распаренный Корней. — Что, не пора ли наведаться в дрём? Кое-чему научил тебя отец, но сегодня воюет он с Гитлером, а ты, значит, по соснякам со мной походишь. Не грех у старого промысловика поднабраться ума-разума. Мечтаешь быть справным охотником?

Семка мигом раскраснелся:

— Не скрываю того желания. И не скрывал ране.

— Ну вот, подрастешь — сбудется без единого препинания. Только помни, на верную дорожку выйти легче, когда знаешь все уголья наши, как свои пять пальцев. Так что айда ставить чучелки. Касательно подманок если, то сильно пригодится тебе проталовская наука.

С тех пор парнишка ходил за птицами на пару с дедом.

Аграфена, любительница поговорить, ворчала:

— Леший! Право слово, леший! Сманил батюшку Семку в дрёмные урочища. Мы его дома почти не видим. Всё бродит и бродит неизвестно где. Куда это годится?!

Мать подакивать не спешила, довольная была — заведомо не лазал сын за березовыми почками, лишь изо дня в день помогал Корнею в промысловом занятии. Потом бабка перестала напраслину высказывать: семье польза с тетеревами обозначилась, опять же сообща перемогли голодное время, худо-бедно прокормились.

Ближе к маю украсились луга всяческой пользительной изумрудностью, и многие веретьевские вернулись в деревню. Через месяц не задержалось, пришло долгожданное лето с тростинками желтых купавниц на опушках. Семка с дедом и собаками всласть походили по ельникам и соснякам.

Проталов учил парнишку прознавать в доподлинности то, где зверь крался, и то, как устраивал себе для отдохновения лежку.

Между прочим удавалось веретьевскому добытчику промысливать кое-что насчет травного изобилья. Примечать те ли, иные ли растения не последняя забота, когда пробираешься лесом. Кипрей да кислица, дягиль да пастушья сумка — они знающему человеку могут рассказать о многом. Одна травка — считай, кипрей — любит светлые вырубки и богатеющие золой гари. Другой подавай мокрое болото, дряговины всякие. У кислицы, стоит учесть, близость водицы всегда из предпочтений предпочтение.

Идешь вот так по дрёму, обрати внимание — мокролюбивая зеленца ползет, стелется по сырой земле. Враз дотошливая смекалка почнёт работу сотворять: смотри, Семка! Ноги тебя ведут прямым ходом в глухой конотоп. Истинно в такое место, где пара пустяков завязнуть и лошади, и любому путнику-добытчику.

Молодой охотник учился обходить стороной смирно-подозрительные кочкарники глубоких мшар, откуда не выбраться даже зверю. К примеру, тому же могучему лосю, у которого ноги чудо как длинны и сильны.

Пошла неделя за неделей, и вот уже Семка мог запросто в одиночку добыть тетерева.

Иногда они с дедом оставляли ружья дома, уходя в леса. Что брали в дорогу? Корней предупреждал заране: нам понадобятся лишь косы. Посему вооружались обыкновенными литовками, хорошо отбитыми на стальных бабках и наточенными до бритвенной остроты мелкозернистыми брусками.

Накосят на полянках пахучей травной зелени да и поставят невеликий стог где-нибудь в укромном ложке. Тогда получается, что копешкам никуда не убежать, а в спокойствии пребывать то там, то здесь. И к осени множество круглых стожков

высится в дремной стороне для того случая, чтобы зимой подкормить хоть лосей, хоть зайцев.

— Мы, видишь ли, охотники, — говаривал Проталов. — Нам интересно, чтобы промысел не скудел. Как же тогда не позаботиться о зверином народце? Ты учти: взять с под гончей косога не так уж и трудно умелому стрелку. Сделать наши ивняки и сосняки богаче, развести в них побольше живности станет посложней, однако отступить толковому промысловому не годится.

Учил дед без шуток, наглядно, дотошливо: вырастешь, парнишка, — не оставь дрём своей старательностью. При таковских делах будешь не просто ружейным человеком, а неотступным другом вологодских лесов. Что принесет тебе людской почет и уважение.

Потом... пришло извещение с фронта. Отец погиб, но его слово оказалось верным: отшибал он рога фашистам неуклонно по самый свой последний час, близил победу.

С той поры пошли год за годом уже без войны. Израненным брат вернулся домой и на белом свете из-за недугов надолго не задержался. Семка вырос, толику времени ходил в промысловиках-охотниках, не покидая родной деревни. Его старательность заметили — доверили управлять охотничьим хозяйством, чьи угоды были завидно обширными. И стал он начальствовать так, как советовал беспокойный Проталов.

Теперь уже нет на свете Корнея из Каменки. Но до сих дней в дрёме вырастают по осени стожки в дедовых местах.

Устраиваются нынче там и солонцы — звери туда приходят полизать каменную соль, что им нравится, вестимо, сильно.

Зимой возле стожков кого только не встретишь. В них обычно поселяются лесные мыши, а значит, сюда заявляются помывшковать рыжие хитруньи.

Уйдет желтоглазый лис — иные гости тут как тут. Их бывает много, тем же зайцам чего не плодится по ивнякам, коль в тихих ложках корма в достатке?

Любит приходить сюда начальник здешнего охотничьего хозяйства. Он приносит с собой этюдник, рисует.

Для него удовольствие исподтишка наблюдать жующих гостей, а также кусты в изморозной густеге, разноцветный снег.

Высоченные сосны поглядывают на бойких зайцев, на их игры. Деревья шумят на ветру, качают ветками, с которых сыплются белые пышные лепехи.

Красота кругом, и на картинах у Семена Столбова снег то розовый, как закат, а то зеленый или синий. Бывает, что и фиолетовый, словно предвечерний сумрак.

О чём думает нынче дрём?

Наверное, о прошлых годах, о давней страшной войне, когда трудно жилось веретевским обитателям, всем людям на Вологодчине.

И есть у него мысль на особицу мирная: хорошо, что подкормил тогда мальчишку; вон же — теперь глазастый художник; толковому мастеру, будьте уверены, я подмогну также; для меня какой тут спор? ведь ловко показывает он раду на снегу.